

Литературный факт.
2021. № 2 (20)



Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (20), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81>



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920)

© 2021, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуется корпус писем Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус к К.И. Чуковскому, которые позволяют реконструировать малоизвестную историю отношений писателей-богоискателей и критика-фельетониста. Даже при отсутствии встречных писем эпистолярный представляет большой историко-литературный интерес, особенно первая его часть, документирующая начальный этап личного общения Мережковских в период первой парижской эмиграции с молодым Чуковским, а также обстоятельства и условия возникновения их дружеского взаимодействия. Вторая часть эпистолярия подтверждает фактическую точность дневников Чуковского революционных лет и имеет большое значение для реконструкции биографии Мережковского предэмиграционного периода.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.И. Чуковский, В.Я. Брюсов, Д.В. Философов, журнал «Весы», газета «Речь», литературная критика, фельетон, дневники, эпистолярий.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

Для цитирования: Федотова С.В. «Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920) // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 31–81. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81>

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20–18–00003.

Памяти Н.А. Богомолова

Публикуемые письма проливают свет на весьма плохо документированную историю отношений героев нашего сюжета, длившуюся около 12 лет. Существует устойчивое мнение о том, что никаких серьезных связей — ни биографических, ни творческих, ни тем более идейных — между ними не было и быть не могло. Действительно, и в дневнике З.Н. Гиппиус, и в дневнике К.И. Чуковского, настоящем хронографе XX века, мы почти не найдем никаких аргументов в пользу обратного. Скорее, можем только укрепиться в исходном положении, по умолчанию переходящем из одной работы в другую.

Однако справедливо было замечено, что дневник — по разным причинам — фиксирует далеко не все важные события жизни его автора, и Чуковский здесь не исключение¹. Так, например, если мы захотим проследить коллизию общения Чуковского с Мережковскими, то прежде всего столкнемся с фактом полного отсутствия дневниковых записей между 25 октября 1907 г. и 28 мая 1908 г., т. е. нет именно того периода, когда завязывается и интенсивно развивается эпистолярное знакомство. На удивление скудно — всего двумя короткими заметками 1909 и 1910 гг. — представлены личные встречи Чуковского с Мережковскими, начиная с момента их возвращения из первой парижской эмиграции и вплоть до февраля 1917 г. Зато дневник послереволюционных лет (1918–1919) пестрит целым рядом ядовитых описаний и нелестных характеристик знаменитой четы, которая всячески задействовала Чуковского для решения текущих финансовых и издательских проблем в условиях своего вынужденного сотрудничества с новой властью. Именно эти записи цитируются чаще всего, иногда с оговорками о субъективности запечатленных для истории оценок².

Публикуемые записки Мережковского этого периода в значительной мере подтверждают фактическую точность дневника Чуковского. Однако они же дают возможность увидеть и нечто другое. Прощальное письмо отправлено Мережковским 23 декабря 1919 г.,

¹ Е.В. Иванова отмечает: «...дневник имеет большие лакуны, были годы, от которых сохранилось очень мало записей, некоторые страницы и даже целые тетради дневника Чуковский нашел нужным по каким-то соображениям уничтожить. Вполне возможно, что это произошло в годы, когда дневниковые записи легко превращались в строки обвинительного заключения, но в итоге многое из того, что мы знаем о Чуковском по другим источникам, почти не отражено в дневнике» [28, т. 14, с. 7].

² Ср.: «В описании Мережковского Чуковский не захотел или не смог разглядеть почти что ничего, кроме обывательства и мелочного расчета. Тем не менее, им были подмечены какие-то живые черты облика и поведения Мережковского в те годы» [20, с. 35–42].

буквально накануне бегства супругов (вместе с Д. Философовым и В. Злобиным) из советской России. Хотя в нем тоже содержится просьба, но есть и удивительное признание: «...благодарю Вас за все, что Вы для нас сделали: ведь, мы больше всего Вам обязаны нашим отъездом, и поверьте, я этого никогда не забуду» (п. 22). Но еще более значимо, что в архиве Чуковского сохранилась записка Мережковского, датированная 9 февраля 1920 г., написанная уже с полпути в эмиграцию. По всей видимости, этот уникальный документ — чуть ли не единственное письмо, отправленное в Россию с оказией в первые недели после побега Мережковских. И оно адресовано именно Чуковскому!

Эти факты сильно меняют оптику восприятия обиды последнего на Мережковских, переданную в рассказе Е. Шварца «Белый волк»: они «...ни слова не сказали Корнею Ивановичу о планах побега. А ведь считались друзьями, да что там считались — были, были настоящими друзьями»³. Стоит только заглянуть в конец нашей публикации и прочитать загадочный совет, оставленный Мережковским Чуковскому («О Дневнике подумайте»), чтобы убедиться в том, что о сложных взаимоотношениях наших героев нам известно, мягко говоря, далеко не все.

В силу этого публикуемый эпистолярный представляет большой историко-литературный интерес, особенно первая его часть, документирующая начальный этап личного общения парижского «триумvirата» с молодым Чуковским. Именно этот период — уравнивание со многими неизвестными, решению которых и посвящена в основном настоящая статья. К сожалению, письма Чуковского, за редким исключением⁴, не сохранились или пока не обнаружены, как и многие другие материалы из архива Мережковских, о судьбе которого, по выражению Н.А. Богомолова, «можно было бы написать детективный роман»⁵. Тем не менее, даже в одностороннем виде переписка дает возможность намного точнее представить перипетии взаимоотношений Гиппиус и Мережковского с «лучшим критиком Серебряного века» (Е. Эткинд) [31, с. 264].

Экспозицией этого сюжета можно считать шумное появление молодого одесского газетчика на литературном поле того времени.

³ [30, с. 236], а также инскрипт на первой книге автора (см. прим. 6 к п. 1). Мы сейчас не будем останавливаться на анализе этих беспрецедентных по тону беллетризованных мемуаров.

⁴ Опубликовано только одно письмо Чуковского к Гиппиус от 26 февраля 1915 г. [28, т. 14, с. 358], а также инскрипт на первой книге автора (см. прим. 6 к п. 1).

⁵ См. вступит. статью к тому 106 «Литературного наследства» (ср. [17; 19]), с. 7, а также исчерпывающую работу: [12].

Переехав в Петербург весной 1905 г., Чуковский быстро встраивается в литературную среду, приобретая сомнительную славу *enfant terrible* русской критики. Ему покровительствует В.Я. Брюсов, который во время посещения северной столицы в конце декабря 1905 — начале 1906 г. приглашает Чуковского к постоянному сотрудничеству в «Весах», тогда же представляет его Вяч. Иванову⁶. «Познакомился за зиму с Ясинским, Розановым, Вячеславом Ивановым, Брюсовым, сблизился с Куприным, Дымовым, Ляцким, Чюминой...», — отмечает Чуковский в дневниковой записи, датированной концом июля 1906 г. [28, т. 11, с. 135–136]. В дальнейшем новые знакомства уже не фиксируются в дневнике с такой тщательностью, однако среди имен литераторов, с которыми так или иначе общался молодой критик в период своего штурма литературного Олимпа, нет имен З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, что, впрочем, вполне объяснимо.

Мережковские уезжают за границу 25 февраля 1906 г., т. е. раньше, чем Чуковский начинает сближаться с петербургским литературным бомондом, если за точку отсчета принять первое посещение «башни» Иванова, которое произошло 15 марта того же года⁷. Никаких личных встреч до отъезда «тройственного союза», по-видимому, не было⁸. К тому же трудно найти столь противоположные «по весу» и значительности фигуры, как Мережковский, глубокомысленный писатель-богоискатель с европейским именем, и начинающий веселый критик-фельетонист, к которому практически сразу приклеился ярлык талантливого, но малообразованного «нигилиста», дерзко разрушающего литературные авторитеты и неписанные каноны.

Вместе с тем очевидно, что раньше или позже личные контакты должны были установиться — литературное поле было общим, пересечение в различных журналах и газетах — неизбежным, предстояло только определиться с правилами игры, тактическими сближениями или расхождениями. Хотя одной из причин отъезда Мережковских за границу было «отвращенье к современной петербургской литературной среде», в которой старое «декадентство» выродилось

⁶ Подробнее о знакомстве и дальнейших взаимоотношениях с Брюсовым и Ивановым см.: [24; 25].

⁷ Об этом факте Чуковский сообщил Брюсову в письме от 17 марта 1906 г. [18, с. 294–295]; см. также письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 21 марта того же года, описывающее собрание на «башне» 15 марта: «В прошлую Среду был тюремный редактор “Сигнала” — Чуковский, он 22-ого идет под суд» (цит. по: [2, с. 180]).

⁸ Косвенным подтверждением этому является замечание Д.В. Философова из второго письма к Чуковскому от 2 марта 1908 г.: «Кстати: меня зовут Дм. Владимирович, а не Васильевич!» (РГБ. Ф. 620. Карт. 72. Ед. хр. 16. Л. 3). Комплекс писем Философова к Чуковскому готовится к публикации.

«в невежественное и беспардонное хулиганство»⁹, в Париже им удается принимать активное участие в литературной жизни России. Они внимательно следят за происходящими там событиями (благодаря интенсивной переписке, прежде всего с Брюсовым), регулярно откликаются на появление новых книг и имен, обсуждают литературные сплетни и выносят свои вердикты «хулиганам»¹⁰. В большей степени это касается Гиппиус, чьи рецензии и обзорные статьи постоянно появляются в «Весах»¹¹. Гораздо менее заметной в литературно-критических баталиях до определенного момента была роль Мережковского, погруженного в создание драмы «Павел I», но и его статьи на общественно-религиозные темы публиковались в «Весах» в 1906 г.¹²

Именно на этот год пришелся пик сотрудничества Чуковского с модернистским журналом: здесь появляется ряд его фельетонов, задиристых, боевых — особенно по отношению к Бальмонту, не всегда удачных (об Анненском)¹³. Помимо этого он печатается где только можно, немаловажным было сотрудничество с «Нивой» с 1906 г., имеющей огромную аудиторию подписчиков. В мае 1907 г. Чуковский становится постоянным критиком в ежедневной петербургской газете «Речь», что несомненно свидетельствует об укреплении его статуса в литературе конца 1900-х гг. Наблюдая за взлетом критической карьеры Чуковского, В.В. Розанов точно охарактеризует его репутацию на литературной арене, сложившуюся к 1909 г.: «Блестящий оратор, чарующая дикция: язвительная, часто умерщвляющая критика. <...> “Ты, батюшка, всех съешь: у тебя аппетит волчий”». Литераторы стали очень бояться Чуковского. “До кого теперь дойдет очередь”. Все ежатся и избегают быть “замеченными” умным, зор-

⁹ Из письма Гиппиус к Суворину от 20 ноября / 3 декабря 1907 г., цит. по: [19, с. 79].

¹⁰ Подробнее см.: [22].

¹¹ В 1906–1907 гг. в «Весах» печатается ряд критических статей Гиппиус антидекадентской направленности: «Иван Александрович — неудачник» (1906. № 8; подп.: Антон Крайний), «Без мира» (1907. № 1), «Трихина» (1907. № 5; подп.: Товарищ Герман), «Братская могила» (1907. № 7) и др.

¹² Имеются в виду работы Мережковского «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» (Весы. 1906. № 2; 3–4), «Декадентство и общественность» (Весы. 1906. № 5). Последняя, впрочем, принадлежит перу З. Гиппиус: она вошла в состав сборника Антона Крайнего «Литературный дневник (1899–1907)» (СПб.: М.В. Пирожков, 1908).

¹³ Речь идет о «весовских» статьях Чуковского 1906 г.: «Циферблат г. Бельтова» (о Плеханове) (№ 1), «Об эстетическом нигилизме. И. Ф. Анненский» (№ 3–4), «Хамство во Христе» (о Волжском-Глинке) (№ 5), а также двух полемически заостренных против Бальмонта статьях «Русская Whitmaniana» (№ 10) и «О пользе брома. По поводу г-жи Елены Ц.» (№ 12).

ким критиком: “Пронеси мимо”. Но Чуковский зорко высматривает ежащихся» [21, с. 396].

Одной из таких жертв, «высмотренных» зорким Чуковским, становится автор трилогии «Христос и Антихрист» (1906). В статье «О Мережковском» (Речь. 1907. 14 (27) окт.), выявляя своеобразие «души художника» через анализ (показ) его стиля, Чуковский вписывается в ряд пародистов, высмеивающих рассудочный схематизм писателя, пророческий пафос, преобладание идеологии над психологией в его романах, чрезмерное обилие цитат, «книжность» и т. д.¹⁴. Но все же этот фельетон имел свое лицо, демонстрируя характерные черты критического стиля самого Чуковского, которые позднее пронизательно перечислит Вяч. Иванов в эпиграмме «Чуковский, Аристарх прилежный...» (1919): здесь и «злости голос нежный», и «ум, веселый, как вино», и «полная сладким ядом прозы приметливая острота», и брошенные на лету зоилиады и занозы». В этой своей манере добродушно-веселой язвительности Чуковский нанизывал на стержень своей интерпретации парадоксально-афористичные выводы, сразу запоминающиеся читателю: «Человека всегда изображает Мережковский в аспекте культуры»; «Мережковский становится истинным виртуозом, тонким и богатым художником только тогда, когда он рассматривает человека сквозь наслоение созданных человеком вещей — религии, языка, литературы, искусства»; «Ни один Диоген не найдет у Мережковского человека — живого, еще не ставшего вещью, еще вещью не поработанного»; и наконец, Мережковский — «фетишист и тайновидец вещи» [28, т. 6, с. 145–147, 150].

Отметим еще один момент. Он касается не только Мережковского, но и Гиппиус, а также важен для понимания публикуемых ниже писем (особенно первых из них). Фельетон Чуковского начинается с обыгрывания цитат Антона Крайнего из статей «Братская могила» и «Человек и болото» о том, что над всей русской литературой, «над талантливыми авторами и полуграмотными стоит общий чад русской некультурности» (Весы. 1907. № 7). Иронически называя процитированное высказывание воскресшим «памятником общественной мысли», с намеком на заимствование идей у Чаадаева, Чуковский переформулирует размышления писательницы о современном «возрождении варварства» (Весы. 1907. № 5) в тему «незаконнорожденных гениев нашего времени» [28, т. 6, с. 140]. Заметим попутно, что в статьях Гиппиус такого выражения нет, но для самого Чуковского,

¹⁴ Подробнее см.: [6].

как хорошо известно, незаконнорожденность — автобиографически маркированный (и маниакально болезненный) мотив.

Противопоставляя, с одной стороны, «духовно незаконнорожденных», а с другой — «культурных» людей, которые снобистски «хвастают» своей аристократической, семейно-сословно унаследованной культурностью, и «щеголяют» ею, и «носят ее всюду с собой напоказ, как дикари носят подаренную им зубную щетку» [28, т. 6, с. 140], Чуковский тем самым разворачивает знаменитую концепцию о Грядущем Хаме против самого ее автора, т. е. ставит под сомнение предложенные им критерии подлинной культурности. «Хам пришел, и как тут культурным людям не ухватиться за зубную щетку своих покойных родителей и за их носовые платки!» [28, т. 6, с. 141]. В таком контексте предложенные оценки творчества Мережковского получают исключительно амбивалентно-иронический характер: «Зубрами какими-то среди всех духовных босяков кажутся эти несколько культурных людей, — и мифическим существом, загадочным, непостижимым, представляется нам культурнейший из них Д.С. Мережковский» [28, т. 6, с. 141]. И он же, по меткому слову критика, оказывается «тайновидцем вещи» с мертвой душой.

Эту статью можно считать завязкой эпистолярного сюжета. Из содержания первого письма Мережковского следует, что он отвечает на многие положения фельетона. Впервые фрагмент из этого послания был опубликован Е.В. Ивановой в собрании сочинений Чуковского. В комментарии к статье «Д.С. Мережковский», вошедшей в состав дебютной книги «От Чехова до наших дней» (СПб., Т-во «Издательское бюро», 1908), сообщается о том, что «29 декабря Мережковский откликнулся на статью Чуковского из Парижа следующим письмом...». Далее приводятся первые четыре абзаца из п. 1, действительно важные для понимания того, почему писатель не согласился ни с интерпретацией его романного творчества, ни с подходом критика в целом. Мережковский упрекает Чуковского в том, что тот не заметил главного — религиозной идеи автора трилогии «Христос и Антихрист», т. е. проигнорировал его самую «реальную ценность». Критик должен прежде всего исходить из мировоззрения художника: «...мне кажется этою-то мерою, которою я и сам себя мерю, Вам, критику, следовало бы меня мерить». На этой сентенции, затрагивающей остро дискуссионный вопрос о назначении критики, цитирование письма обрывается [28, т. 6, с. 575–576].

Из формулировок комментатора складывается впечатление, что Мережковский первым написал Чуковскому и — особенно важно — что это его первый отклик на обсуждаемый фельетон. Однако даже

в опубликованном фрагменте бросаются в глаза высказывания, нарушающие эту логическую цепочку. Из отдельных оговорок Мережковского следует, что он уже отвечает на неизвестное нам письмо Чуковского («Из Вашей же статьи и письма я не вижу, чтобы Вы хотели мне помочь»). Еще более конкретна эпистолярная формула прощания из неопубликованной части: «Сердечно благодарю Вас за письмо и надеюсь, оно не последнее». Но главное, оказывается, что само это письмо Чуковского в свою очередь было реакцией на какую-то резкую заметку Мережковского («...должно быть, эта горечь и отразилась в полемическом тоне моей заметки о Вас. М<ожет> б<ыть>, я приписал Вашей личной “развязности” то, что есть необходимое условие газетной работы — фельетона»).

Но о какой именно статье идет речь? Об этом мы узнаем из той же неопубликованной части. «Что касается до моей статейки “У позорного столба”, то не знаю, право, решусь ли я послать в “Свободные мысли”. Она мне кажется не только устаревшей, но и чересчур личной и узко-идеологической — в частности к Вам обращение, м<ожет> б<ыть> неверное, что мне почувствовалось по Вашему письму».

Теперь можно более-менее точно восстановить два пропущенных звена в последовательности событий, положивших начало заочному диалогу: фельетон Чуковского — статья Мережковского с резким откликом о критике — неизвестное письмо Чуковского, реагирующего на этот отклик, — наконец, ответ Мережковского, которым открывается публикуемый эпистолярный диалог.

Самым интригующим из них является статья Мережковского, о которой нет почти никаких сведений, за исключением одного весьма любопытного письма Мережковского к Брюсову из Парижа. В публикации переписки Мережковских с редактором «Весов» оно осталось без комментария, а между тем именно в нем содержится определенная, хотя и несколько озадачивающая информация. Прежде чем к нему перейти, обрисуем в общих чертах контекст его появления.

Осенью 1907 г. «троебратственный союз» (прежде всего Гиппиус и Философов) предпринимает усиленные попытки найти газеты, где можно было бы «приняться за борзописание»¹⁵. Брюсов рекомендует «Столичное утро», обещает баснословные гонорары и выступает посредником между парижскими «отшельниками» и богатой газетой. Более предприимчивой и энергичной в этом начинании, как обычно,

¹⁵ Из письма Гиппиус к Брюсову от 1 июня 1907 г. [16, с. 167].

оказывается Гиппиус. В течение месяца, с 13 сентября по 15 октября, она спешно пересылает в газету через Брюсова повесть «Уверенная», рассказ «Дверь», которые были опубликованы 4, 6 и 19 октября (№№ 105, 107, 118), и фельетон «Толстой и Плеханов», не успевший выйти в свет.

Мережковский же на первых порах участвует только в обсуждении условий, гонораров, планов и т. д. Из его письма к Брюсову от 13 октября ясно, что он еще не приступил к работе для «Столичного утра»: «Я напишу, только что кончу “Павла” — дней через 10. Но нам необходимо, чтобы писать о текущей литературе, получать, по возможности, все новинки, чтобы об них писать. <...> Я, может быть, также напишу “О Содоме в русской литературе”» [16, с. 193]. «Также» — потому что 4 октября Мережковский сообщал, что темой его первой газетной статьи будет «Поэзия Брюсова» [16, с. 189]. Этот замысел подтверждается в письме Гиппиус от 15 октября к тому же корреспонденту: «Для первого фельетона Д. С. думает через несколько дней послать статейку о вас» [16, с. 193].

Однако этот многообещающий проект терпит крах на полном ходу: 19 октября «Столичное утро» закрывается в административном порядке. Мережковские узнают об этом не сразу и, что характерно, не от Брюсова. 25 октября Гиппиус возмущенно сообщает ему, что «узнала лишь из газет о преждевременной кончине “Столичного утра”», и требует от него возвращения ненапечатанных рукописей, а главное — содействия в получении гонорара за публикации [16, с. 194]. Но еще более гневно реагирует Мережковский в письме от 16 ноября, из которого неожиданно выясняется, что он также успел отправить в газету статью, причем не «статейку» о Брюсове, а именно ту, о которой идет речь в первом письме к Чуковскому. Приведем начало этого ультимативного послания: «...статья “У позорного столба” была прислана не для “Весов”, а для “Столичного утра”. И я удивлен тем, что вы ее набрали для “Весов” без моего разрешения. Когда я узнал (увы, не от вас), что “Столичного утра” уже нет, я послал статью в другой журнал — там она и появится, и “Весы”, конечно, не пожелают *перепечатки*. Итак, этим письмом я *категорически* требую, чтобы статья моя *не появлялась* в “Вессах”»¹⁶.

Этот пассаж задает новые загадки, которые не поддаются однозначному решению. Первая из них — почему писатель резко изменил свои планы и вместо статьи о Брюсове в предельно сжатые сроки «настроил» «У позорного столба»? Ведь до 23-го он планировал

¹⁶ [16, с. 196], выделенные слова подчеркнуты автором письма.

завершать драму, а 25-го Гиппиус уже пишет о «катастрофе». Кстати, постскрипtum к этому письму подтверждает, что Брюсову все время сообщалось о статье, посвященной ему: «Дм. С. статья о вас готова, вероятно, пойдет в другую газету» [16, с. 194]. Получается, что текст с названием «У позорного столба», которое ни разу не фигурировало в переписке с Брюсовым, был мгновенно написан и отправлен Мережковским в считанные дни до 25 октября.

Это выглядит очень странно, особенно если учитывать признание Зинаиды Николаевны, сделанное в ее втором, очень личном письме к Чуковскому. Она пишет, в частности, что «фельетончики» давались Мережковскому очень нелегко. «Мережковский не для удовольствия пишет свои неумелые “фельетончики” для газет <...>. Я уверена, что ему “фельетончик” написать — вдесятеро большего труда и сил стоит, нежели вам. Прежде он их вовсе не умел писать, так что, когда, перед отъездом нашим (года 3 тому назад) он в “Русском Слове” участвовал, то давал им главы из книги, которую тогда готовил, или я писала под его именем. А вот, учится понемногу». Но это сказано в письме от 5 февраля 1908 г. Если бы статья «У позорного столба», написанная на три месяца раньше, действительно была «пробой пера» Мережковского в чуждом ему жанре, то, по логике вещей, она никак не могла появиться в течение одного-двух дней после завершения работы над «Павлом».

Напрашивается другая гипотеза. Вероятно, «У позорного столба» — это переименованная статья «О Содоме в русской литературе», о которой с некоторой долей неуверенности упоминал Мережковский в письме к Брюсову от 13 октября. Синонимичность названий с обличительной семантикой позволяет соотнести этот замысел с «Диминой ругательной статьей»: о ней говорится в письме Л. Бакста, посетившего парижский салон Мережковских в первой половине ноября. «По оскаленному лицу Зиночки», тонко заметил художник, было очевидно, что она имеет к этой статье самое прямое отношение¹⁷. Гиппиус различала «своих» по именам: мужа называла

¹⁷ Из письма Бакста к В. Ф. Нувелю от 25 ноября 1907 г.: «ДС <...> по матери ругал Вячеслава Иванова (жалкий, ничтожный немецкий фармацевт, профессор, развешивающий на скрупуле классицизм), Городецкого (хулиганом), Кузмина (приказчик, говорящий об Александрии и Флоренции) и только из естественного чувства неловкости перед кое-кем из присутствующих не ругал бедного Михаила Алексеевича другим словом... Ругали всех молодых за самонадеянность, за заносчивость, за дерзость, за молодость, и все кончилось тем, что “вот погодите, выйдет Димина ругательная статья — все узнаете”. И по оскаленному лицу Зиночки (в этот миг собачьему; она часто похожа на собаку) я понял, qu'elle y est pour quel que chose <что она к этому тоже причастна. — *фр.*>, и что второй модели Белого полишинель дернет в такт Зиночке ядовитый памфлетик» [1, с. 127]. См. также: [17, с. 617; 22, с. 367–368].

Дмитрием, а Философова — Димой, поэтому под «Диминой статьей» имеется в виду, скорее всего, статья последнего «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Кн. XII). Однако не может быть двух мнений по поводу общей филиппики в адрес «мистических анархистов», совместно выработанной «трио» под чутким руководством Зинаиды Николаевны. Не случайно уже в первом письме Мережковский рекомендует Чуковскому обратить особое внимание на статью Философова (см. прим. 9, 11 к п. 1).

Складывается такая картина. Не желая упускать из рук «Столичное утро» и стремясь зарекомендовать себя как выгодных газете фельетонистов, tandem Мережковских воспользовался отработанным алгоритмом. Гиппиус если не полностью, то в основной его части пишет памфлет, бичующий всех петербургских «хулиганов» (М. Кузмина, С. Городецкого, Г. Чулкова и др.) «под крылом “отца блудодейств” — Вячеслава»¹⁸, опираясь на свои последние статьи в «Весах» или же на сплетни о тех же писателях, которыми переполнены ее письма к Брюсову. А вышел бы он за подписью Мережковского, как это случилось и раньше. Поразительная скорость появления «У позорного столба», опередившего «почти» (!) готовый фельетон о Брюсове «Ковач стали»¹⁹ — тому прямое подтверждение.

Однако 14 октября в «Речи» выходит фельетон Чуковского «О Мережковском», сильно задевающий писателя за живое. По свежим следам он мог написать резкую «заметку» о «развязном» критике, которая встроеилась в статью «У позорного столба», обличающую молодую литературную поросль. Судя по всему, Мережковским были известны также фельетоны Чуковского «Чудо» (Свободные мысли. 1907. 20 авг. (2 сент.)), «В бане: Спермин и Кузмин» (Свободные мысли. 1907. 9 (16) сент.), где об «озорниках» во главе с Кузминым, а также об их «учителях и наставниках» говорится в издевательском тоне [28, т. 6, с. 543]. В то же время до них могли дойти слухи о приятельских отношениях Чуковского с молодым окружением Вяч. Иванова²⁰. Так что включение «заметки» о критике в «ругательную статью» не было беспочвенным. Тем не менее вряд

¹⁸ Из письма Гиппиус к Брюсову от 4 октября 1907 г. [16, с. 190].

¹⁹ Об этом сказано в приписке к приведенному выше категорическому письму Мережковского [16, с. 196].

²⁰ Двойственная дружба Чуковского с «молодыми», его участие в «скандалах» и «хулиганстве» подтверждается дневниковыми записями Кузмина 1907 г., см.: [7, с. 304, 318, 325, 345]. По поводу названных фельетонов Кузмин записывает в дневнике 20 августа 1907 г.: «В “Понедельнике” <...> Чуковский пишет что-то про всех нас, неясное и ловкое», а через две недели: «Видел Чуковского, он очень извинялся» [7, с. 392–393, 401].

ли случайно в первом письме к Чуковскому Гиппиус подчеркивает отличие своей точки зрения от мужниной: «Мне не нравится “тон” статьи и, в частности, не нравится то, что о вас. Я нахожу, что Д. С. несправедлив, не объективен. Я нахожу, что ваша статья о нем *верная*, хотя и не любовная...» (п. 3).

Как бы там ни было, публикация в «Столичном утре», бичующая литературных «содомитов», оказалась бы одним из первых программных выступлений писателя в литературной полемике второй половины 1900-х гг., и «семейное» авторство памфлета не было бы опознано. А вот с «Весами» все могло быть иначе. Не потому ли самовольное решение Брюсова напечатать «У позорного столба» вызвало такое возмущение Мережковских? Показательно, что появлению ультиматума Брюсову предшествуют подготовительные шаги: в переписке с последним Гиппиус рассуждает об «автократическом принципе» журнала (письмо от 12 ноября) [16, с. 195]. Через два дня она развивает тему: «Я с вами вполне согласна: у нас разные тенденции, и у каждого из нас так они крепки, что трудно вступать в компромисс. Направление “Весов” — одно из направлений, вот и все. В данном случае — я, как писатель, под это именно направление не подхожу. Я не подхожу потому, что я никак <...> не могу удовлетворить ваших требований — чистого искусства. <...> Вы совершенно правы, утверждая, что различие тут между нами важнее, чем сначала кажется» [16, с. 197]. В контексте обострившихся противоречий публикация «У позорного столба» могла бы спровоцировать нелепую ситуацию, когда Мережковский заговорил бы со страниц журнала узнаваемо ядовитым голосом Антона Крайнего, с мнением которого не согласен Брюсов (как это уже было в редакционном послесловии к фельетону «Братская могила» (Весы. 1907. № 7)). Отсюда — категорическое требование не публиковать статью в «Весах».

Выдвинутый же писателем довод — «статья уже отправлена в другой журнал» — выдает желаемое за действительное. Из первого письма Мережковского понятно, что она не была отправлена и в конце декабря, а со слов Гиппиус известно, что — по ее настоянию — вопрос о публикации был вовсе снят (по крайней мере, под тем же названием).

Итак, теперь мы вплотную приблизились к главному вопросу, почему же Мережковские изменили свои планы. И здесь на авансцене появляется «глубокоуважаемый Корней Иванович», на письмо которого отвечает Мережковский 29 декабря 1907 г. Как из любого диалога можно по ответным репликам восстановить вопросные, так из письма Мережковского просвечивает трехчастная структура неиз-

вестного нам письма Чуковского: объяснение-оправдание — вопрошание — предложение. В первой части, надо думать, он защищался от обвинений Мережковского, содержащихся в той самой ругательной «заметке», объяснял свой критический метод и специфику газетного фельетона — «развязную манеру», пародийно-карикатурный тон, выпячивание одной, но зато самой яркой черты литературной физиономии писателя — в общем, приемы, ориентированные на читателей газет. Извинялся за фельетонную легкость, но не за точность анализа, каялся в «развязности» и в то же время восхищался высочайшей культурой и образованностью писателя.

Отметим попутно, что это довольно типичная стратегия для Чуковского-критика, которую Вяч. Иванов замечательно точно назвал «полуцинизмом, полулиризмом». Доказательств тому огромное множество. К примеру, посылая Брюсову, своему кумиру и учителю, первую обзорную статью «Город и его поэзия»²¹, он предупреждал: «Там о Вас написано много разных периодов: это не то, что я о Вас думаю, а что я хотел бы, чтобы думала о Вас публика “Нивы”»²². Аналогична история с «озорниками», Кузминым & С^о (см. выше), в том же ключе чуть позже — «собачья свадьба» с футуристами (по слову Б. Лившица)²³. Но самый яркий случай, конечно, с Л. Андреевым, прозвавшим критика «Иудой из Териок» [28, т. 5, с. 125]. Везде одна и та же модель: человеческие связи — это одно, профессиональные — совсем другое.

По такой же схеме могла строиться объяснительно-оправдательная речь Чуковского в первом письме к Мережковскому — изложение *profession de foi* и искренние признания, в которых причудливо смешивались мотивы преклонения, раскаяния и обиды. Не даром же Мережковский выделяет «самое жестокое слово» корреспондента: «Но что Вам до нас, людей?» (п. 1).

Вторая часть письма Чуковского несомненно была связана с вопросом о дальнейшей судьбе статьи «У позорного столба»: упоминание ее в первых письмах Мережковского и Гиппиус носит явно ответный характер. Не исключено, что инициатор переписки сразу же предлагал свое деятельное содействие в ее публикации, отлично понимая механизмы создания литературной репутации. В появлении отклика, даже самого ругательного, из уст «уже в достаточной мере

²¹ Статья вышла под названием «О современной русской поэзии. Литературные наброски» (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1907 г. № 3. Стб. 391–420), см.: [28, т. 6, с. 456–479.]. Она легла в основу первой книги Чуковского «От Чехова до наших дней».

²² Письмо от 21 декабря 1906 г. [18, с. 316].

²³ См.: [11, с. 113–115].

законченного» писателя (как скромно аттестует себя Мережковский) начинающий критик был явно заинтересован.

Остается спросить, откуда же Чуковский узнал о ненапечатанной статье? Почти без вариантов — от Брюсова, с которым встречался в Москве 5 декабря. В этот день, сразу после своего доклада «Крушение индивидуализма в русской литературе» в Литературно-художественном кружке, он сообщает жене о том, что идет на встречу с редактором «Весов», а также — с волнением — о вышедшей накануне статье А. Блока «О современной критике»: «Читала ты, что пишет Блок обо мне в “Часе”. <...> возьми и прочти» [28, т. 14, с. 144]. Трудно представить, что Чуковский не обсуждал со своим литературным наставником первого печатного отклика из лагеря модернистов: пусть и с серьезными оговорками, но это было признание его как критика²⁴. Брюсов, успевший уже набрать текст статьи «У позорного столба» для «Весов» и даже получить за это нагоняй от ее автора, вряд ли умолчал об инциденте со злополучным фельетоном для «Столичного утра» и, само собой, о критическом отзыве Мережковского, который имел шанс опередить блоковский, если бы газета не закрылась.

Итак, повод для эпистолярного знакомства был найден — достойно ответить Мережковскому. С тактической точки зрения, не менее важно было прозондировать почву для желательной рецензии на книгу «От Чехова до наших дней», ее выход ожидался в конце декабря. А стратегически — попытаться наладить контакты, рискнуть предложить сотрудничество на антидекадентском поле, привлекательное для обеих сторон, хотя и рискованно-неопределенное в силу разных «весовых категорий» союзников. Не случайно же Философов отвечает Чуковскому именно в таком духе: «...в жизни без риска нельзя. Рискнем? Главное не искать *очарований*, а простой взаимной помощи для совместной работы» (см. прим. 2 к п. 6). При этом несомненно подразумевалось соблюдение условий игры и сохранение status quo всех ее участников: Мережковские — старшие, высокообразованные и высококультурные литературные мэтры; Чуковский — начинающий критик, вращающийся в газетной сфере как рыба в воде, жаждущий заполнять пробелы в своем образовании и приобщаться к элитарной культуре, а в благодарность деятельно помогать в решении текущих проблем. Примерно в таком ключе

²⁴ Ср. начало отзыва Блока: «Вот уже год, как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера — отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью...» etc. (Час. 1907. 4 дек.).

Чуковский спустя два года напишет Брюсову словами Крылова: «Вы помните, как мышь говорила льву? — “авось и я тебе пригожусь”»²⁵.

В реконструируемой прагматике письма Чуковского нет ничего удивительного: так поступают почти все новички на литературном поле, да и не только они. По крайней мере, Мережковские, сами стратеги и политики, восприняли предложение критика с пониманием и даже воодушевлением. На фоне кризиса, переживаемого ими в конце 1907 г., и затухания переписки с основными корреспондентами из России (Брюсовым, Белым и Дягилевой)²⁶, появление письма Чуковского открывало новые перспективы, которыми парижское «трио» решило воспользоваться в полную меру, надеясь на «легкую руку» и «человеческие, только человеческие» способности газетного критика обустраивать литературные дела. По-видимому, как раз в этом кроется основная причина отказа от публикации статьи «У позорного столба», которая вдруг стала «не только устаревшей, но и чересчур личной и узко-полемиической» — разумеется, в той части, которая непосредственно касалась Чуковского.

Письма дают представление о том, как живо и безотлагательно разыгрывался этот гамбит — жертва одной «статьей» ради свершения дальнейших планов с помощью «прирученного» Чуковского. Уже в первом письме Мережковский начинает «ковать железо, пока горячо». Порассуждав о фельетонном методе Чуковского, не уловившего его «религиозной идеи», он подслащивает неуклюже-льстивой риторикой свои полемические оценки: «...вы мне всегда и все более кажетесь чрезвычайно талантливым *человеком*, заметьте, не только литератором, критиком, но и *человеком* талантливым. <...> по Вашим статьям, я сразу почувствовал, что Вы один из немногих (увы, слишком немногих людей!) в современной русской литературе, которые *знают, где раки зимуют*. Если Вы и не всегда говорите *так*, как нужно говорить, то всегда о *том*, о чем нужно говорить». А затем уверенно переходит к конкретным заданиям, которые недвусмысленно раскрывают подоплеку неожиданного интереса к Чуковскому — ставку на его деятельную помощь «парижским друзьям» в продвижении и публикации их статей в «Речи» и «Свободных мыслях», в организации их постоянного сотрудничества в какой-либо газете и т. д.

Встав на практические рельсы, Мережковский больше с них не сойдет, ни о подлинном назначении критики и ни о какой «религиозной идее» больше заговаривать не будет. Второе письмо к Чуковско-

²⁵ Письмо от 2/15 апреля 1910 г. [18, с. 361].

²⁶ См. подробнее: [22, с. 368–369].

му, исключительно деловое, он торопится отправить, не дождавшись даже ответа на первое. Просьбы и поручения без конца летят из Парижа в Петербург по новому адресу. Пожалуй, из «троебратственного союза» один только Д. Философов поначалу ощущал по этому поводу неловкость. Через полтора месяца после завязки эпистолярных отношений, в письме от 14 февраля 1908 г. он извинялся перед Чуковским: «Совестно Вас обременять, но Вы с таким радушием встречаете наши просьбы, что мы пока что решили не бояться злоупотреблять Вашей любезностью»²⁷. Заметим, что в дальнейшем отношения с Философовым окажутся более глубокими, искренними и человечными, чем с Мережковскими.

В отличие от писем Мережковского, парижские эпистолы Зинаиды Николаевны вовсе не касаются напрямую деловых вопросов, они в большей степени психологичны и даже психоаналитичны, рассматривая корреспондента как букашку под микроскопом (как заметила Н. Берберова)²⁸. По своему обыкновению Гиппиус выступает в роли исповедницы-наставницы, она вызывает на откровенность, сетует, печалится, поучает Чуковского и, можно согласиться с Е.В. Ивановой, ее письма «содержат целую программу по перевоспитанию критика» [28, т. 6, с. 23]. «Мне жаль, что среда вас балует <...> жаль именно потому, что вы очень талантливы и, при этом, кажется умны». Это «кажется», впрочем, характернее всего.

Вместе с тем и в рассуждениях Гиппиус подспудно всплывают прагматические нотки. В письме от 5 февраля 1908 г., отвечающем на исповедальные признания Чуковского об «обстоятельствах» его жизни, заставляющих его заниматься «газетной проституцией», встречаем соображения о внешней и внутренней «выгоде» нового знакомства, а также о планах на Чуковского, небесполезного в будущих издательских проектах: «Если, когда мы вернемся, удастся нам устроить где-нибудь серьезное — вы ведь, не откажетесь быть, по всей возможности, нашим ближайшим помощником литературным?» (п. 4).

Подводя итог первому этапу отношений Мережковских и Чуковского, выразительно представленных в публикуемых письмах из Парижа, а также захватывающему время пребывания Мережковских в России, до их следующей поездки за границу, можно заключить, что 1908–1909 гг. — это период наиболее тесного взаимодействия всех героев нашего сюжета. Именно на этом этапе поле газетной литературной критики становится для них общим. Стоит только

²⁷ РГБ. Ф. 620. Карт. 72. Ед. хр. 16. Л. 1 об.

²⁸ См. вступ. статью в: [5, с. IV].

посмотреть на частотность фельетонов Мережковского в «Речи», где в это время у Чуковского очень сильные позиции (с 10 декабря он «взял в свои руки» весь литературный отдел газеты²⁹). В течение 1908 г. здесь выходит 14 статей Мережковского («Христианские анархисты» (№ 10, 12 янв.), «Цветы мещанства» (№ 35, 10 февр.), «Красная шапочка» (№ 47, 24 февр.), «Асфодели и ромашки» (№ 71, 23 марта) и др.), в 1909 г. — 16. Роль Чуковского в такой фельетонной активности Мережковского не оставляет сомнений.

Более того, можно предположить, что на этом газетном поприще Мережковский явно ориентировался на фельетонную легкость Чуковского, и в этом смысле «учился» у него, хотя при полном отсутствии чувства юмора, фельетон — все-таки был не его жанр. Совершенно не изученный вопрос о рецепции приемов Чуковского в литературно-критической публицистике Мережковского конца 1900-х гг. может дать любопытные результаты. По крайней мере, сам писатель признавал в письме к О.А. Флоренской, по времени совпадающем с интенсивной эпистолярной дружбой с Чуковским: «Может быть, единственное мое достоинство — нежелание обманывать других. Разве только нечаянно, ради красного словца, литературных эффектов преувеличиваю свои добрые или злые чувства? Во мне вообще есть Чуковский. Вы его знаете? Любопытный малый...»³⁰.

В свою очередь и Чуковский «брал уроки» у Мережковских, причем, судя по всему, еще до начала переписки. Интересно, что уже 1-е издание книги «От Чехова до наших дней», по мнению А. Горнфельда, носило на себе следы «поверхностно-критической мережковщины» [28, т. 14, с. 149]. А в 3-м издании многие статьи сборника дополнены прямыми цитатами из А. Крайнего или Д. Мережковского (см. прим. к п. 1, 3). Этот основной «недостаток» дебютной книги Чуковского впоследствии отмечали почти все критики. Представляется, что одной из его причин является своеобразное усвоение идей Мережковских (за исключением, конечно, религиозных), которые «утяжеляли» веселые фельетоны Чуковского, внося в них публицистический элемент и попытки философских обобщений. Такой аспект рассмотрения взаимоотношений Мережковских и Чуковского до сих пор не ставился, а между тем для него имеются определенные основания. Многие фельетоны Чуковского свидетельствуют о внимательном изучении литературно-критического творчества Мережковского и не менее пристального интереса к литературной критике Гиппиус (особенно к статьям, выходявшим под псевдонимами). «Антон Крайний —

²⁹ Из письма Брюсову от 15/28 декабря 1908 г. [18, с. 355].

³⁰ Письмо от 30 ноября 1908 г. [15].

фельетонист замечательный», — признается он Брюсову³¹. Что же касается творческих параллелей между Гиппиус и Чуковским, то их отмечали уже современники. Показательна оценка ее фельетона «Добрый хаос» как «образца такой разудалой критики, которой мог бы позавидовать сам г. Чуковский»³².

Однако коалиция Мережковских и Чуковского явно носила зыбкий и неустойчивый характер: скорее, она питалась противоборствующими токами в идейно-эстетической сфере, прикрытыми приятельскими отношениями. Чего стоит только двойственный пассаж Чуковского из фельетона «Мережковский и Лермонтов» (Речь. 1909. 25 янв. (7 февр.)): «Я твердо знаю, — хотя бы от того же Мережковского, — что всякий великий поэт и всякий великий художник, поистине, насквозь религиозен, может быть даже против воли — и мне драгоценно это искание божественной, вечной истины у юнкера и бретера Лермонтова. Но тем сильнее я ненавижу то, что говорил о Лермонтове Мережковский. Не хихикаю, а именно ненавижу» [28, т. 7, с. 397].

Критик не поддавался перевоспитанию, оставался чуждым идейно-религиозным устремлениям Мережковских. Не случайно именно Гиппиус канонизирует репутацию Чуковского как «нигилиста». В обзоре «Разочарования и предчувствия» (Русская мысль. 1910. № 12) А. Крайний заявит, что «особенно пагубен нигилизм, когда он заведется в области литературной критики». Критику необходимы в равной степени два свойства — «художественный, но особый, талант» и обязательная «точка зрения» (хоть какая-нибудь, но осознанная). У Чуковского же «“нигилизм” равен по силе его таланту». Правда, добавит Гиппиус, вспоминая, вероятно, исповедальные письма Чуковского, он «в светлые минуты видит свой нигилизм, понимает его последствия, горько тоскует о “точке зрения”».

От этой оценки Чуковского-критика и Чуковского-человека Гиппиус уже не откажется. Развернутую характеристику она даст ему в статье «Невзрослый критик. Этюд в кавычках» (Отклики. Бесплатное приложение к газете «День». 1914. № 18. Приложение к № 123), первоначальное название которой обыгрывало слова Пушкина из «Пира во время чумы» — «Погибшее, но милое создание». После революции 11 января 1918 г. Гиппиус составит в дневнике список «за упокой» интеллигентов-перебежчиков. И среди «этих первенских, тепленьких» под номером 14 стоит: «Чуковский, Корней —

³¹ Из письма Брюсову от 12 / 25 января 1911 г. [18, с. 368].

³² *Войтоловский Л.* Периодическая печать и книжная литература // Киевская мысль. 1909. 1 янв. № 1.

литературный критик, довольно даровитый, но не серьезный, вечно незрелый, он не “потерянное дитя”, скорее из породы “милых, но погибших созданий”, в сущности невинный, никаких убеждений органически иметь не может» [4, с. 164]. И спустя три месяца вновь вернется к этой характеристике: «Да, был “кающийся” (не про него покаяться!) Чуковский. Был и останется он “милым, погибшим созданием»» (запись от 17 апреля 1918 г.).

Революция несомненно обострила до предела все противоречия между Мережковскими и Чуковским, оказавшимися по разные стороны баррикад. Но, как это ни парадоксально, она же их и сблизила во второй раз и, может быть, даже сильнее, чем в 1908–1910 гг. Публикуемые письма последнего этапа их отношений принадлежат в основном Мережковскому. Так же, как и раньше, они полны поручений, заданий и директив. Впечатляет приписка Чуковского на «автографе Д.С. Мережковского — одном из тысячи подобных»: «Программа моих действий, предписанная мне Мережковским в Колосе, во время лекции Блока “О гуманизме”» (п. 20).

Самое поразительное, что по какому-то негласному обязательству Чуковский всегда старался выполнить все просьбы — замотанный тысячью обязанностей, голодный до обморока, с тремя голодными детьми и беременной женой³³, он тем не менее решал проблемы Мережковских, бегал, договаривался, добывал дрова, деньги и т. д. Спрашивается, почему он это делал, вопреки всем карикатурным зарисовкам Мережковского в дневнике, всем убийственным характеристикам «бойкого богоносца» [28, т. 11, с. 280]? Не только ведь потому, что прежние «злоупотребления его любезностью» превратились в мертвую хватку, из которой невозможно было вырваться. Не может же не иметь значения тот факт, что последнее стихотворение Гиппиус, созданное в России — «В раю земном» (или «Рай»), в автографе под названием «В Альбом Чуковскому», с пометой «СПб., Дек. 1919, перед бегством» — включало строфу, впоследствии опущенную:

Голодный, безнадежный, и в Манежный,
Влачась по стыди снежной, заходил,
К седому мальчику с душою нежной...
Увы, и он меня не утолил!³⁴

³³ Дочь Чуковских Мария (Мура) родился 24 февраля 1920 г.

³⁴ [29, с. 294]. Ср. из письма А. Блоку от 18 декабря 1919 г.: «З.Н. Гиппиус прослышала о Ваших чукоккальских стихах — и потребовала, чтобы я дал ей почитать. Сегодня иду к ней с Чукоккалой» [28, т. 14, с. 429].

Последние стихи Гиппиус — Чуковскому! Последнее письмо Мережковского из России — Чуковскому! Значит, было что-то в их отношениях душевно-подлинное, а не только расчетливо-прагматичное? Не потому ли именно Чуковскому уже из-за кордона передается записка с загадочным советом: «О Дневнике подумайте» (п. 23)?

Ведь очень вероятно, что речь идет о той самой «Синей книге», дневниках времен Первой мировой войны и революции, которые, по слову Гиппиус, «добрые люди взяли и закопали где-то за городом», а где именно — она «не знает точно» [5, с. 9]. Не говорит ли приписка Мережковского о том, что Чуковский так или иначе был к этому причастен? И не пригодился ли ему этот опыт позже, в 1941 г., когда в спешке — накануне эвакуации — он решил «закопать под знакомой березой в лесу» [29, с. 12] свою знаменитую «Чукоккалу»?

Все публикуемые письма хранятся в архиве К.И. Чуковского в НИОР РГБ: 16 писем Д.С. Мережковского и приложенный список его книг (Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12), а также 7 писем З.Н. Гиппиус (Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 99). Первое письмо Мережковского (не полностью) и выдержки из второго письма Гиппиус опубликованы в собрании сочинений Чуковского [28, т. 6, с. 23, 575–576]. Мы сохраняем принятое корреспондентами инициальное написание имени-отчества друг друга.

Выражаю глубокую признательность Е.А. Андрущенко и А.Л. Соболеву за ценные указания и бесценную помощь в подготовке публикации.

1. Мережковский — Чуковскому

29 декабря 1907 г. Париж

29.12.1907 Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)¹

Глубокоуважаемый Корней Иванович,

мне иногда кажется, что я, действительно, не умею иначе смотреть, как «сквозь» людей² и что у меня нет подхода к человеческой личности. Другими словами, мне иногда кажется, что я погиб не только временною, здешнею, но и вечною погибелью. Ибо как же спастись человеку, который людей не видит и, следовательно, не может иметь любви к людям, единственному пути к спасению?

Но хоть мне это *иногда* кажется, я этого *никогда* не хочу, на это не соглашаюсь. Думаю, что и другие люди, которым дано чувствовать чужую личность, не должны этого для меня хотеть и видя, в каком я опасном положении, должны не только утверждать эту опасность, но и стремиться помочь мне. Из Вашей же статьи и письма я не вижу, чтобы Вы хотели мне помочь. И это меня огорчает. Вы как бы махнули на меня рукой и сказали: горбатого только могила исправит. От физического горба, действительно, нет мне исцеления, кроме могилы; но от горба метафизического (а мое уродство именно таково) можно и должно исправиться до могилы — на то нам и дан жизненный путь.

Это значит: Вам, критику, нужно бы найти в существе какую-то силу положительную, какую-то возможность высшей нормы, которая преодолевала бы мое уродство, мое реальное жизненное одиночество. Вот мне всегда и казалось, что такая сила во мне — мое религиозное сознание. Я знаю по реальнейшему внутреннему опыту, что у меня бывали и бывают мгновения глубокого религиозного прикосновения к человеческой личности. В этом смысле я могу *любить* людей. Так, мне кажется, я люблю Гоголя, Леонардо, Юлиана; сейчас люблю Лермонтова³. И некоторых моих «ближних», живых людей я также именно люблю. О, конечно, это все недостаточно, мгновенно, слишком отвлеченно, я не умею реализовать этой любви, закрепить эти точки и свести их в линию, и линией описать поверхность, и поверхностью — объем, глубину. Но все-таки во мне есть что-то религиозное и притом, *реальное*, пережитое. И для меня это единственная точка упора, единственная надежда на спасение. Может быть, я сам виноват, что Вы, несмотря на пристальное изучение

моих писаний, этой точки в них не увидели — может быть, просто не хватило у меня литературного таланта, чтобы выразить себя в писаниях. Но все-таки согласитесь, это горько для писателя, уже в достаточной мере законченного — и вот, должно быть эта горечь и отразилась в полемическом тоне моей заметки о Вас. М<ожет> б<ыть>, я приписал Вашей личной «развязности» то, что есть необходимое условие газетной работы — фельетона.

Откровенно признаю Вам, мне больно, что Вы *религиозной идеи* (хотя бы *только* идеи — даже отвлеченной идеи — все-таки ценность) совсем не увидели в моих писаниях. А мне казалось, что тут весь вопрос о моей человеческой личности. Может быть, я и здесь ошибаюсь — всякому «метафизическому горбуну»⁴ его горбатость кажется крылатостью (это, мол, не горб у меня за спиной — а «крылья» растут — увы! Иногда кузминские крылья!⁵). Но я знаю твердо, (иначе, повесился бы), что я, тут *не совсем* ошибаюсь, что моя религиозная идея, несмотря на всю мою литературную бездарность (и м<ожет> б<ыть> не только литературную, но и жизненную) *имеет реальную ценность*. — И вот мне кажется этою-то мерою, которую я и сам себя мерю, Вам, критику, следовало бы меня мерить.

Но довольно обо мне. Хочется о Вас поговорить.

Самое жестокое слово Вашего письма: «Но что Вам до нас, людей?» (Как будто, я уже и не-человек — спасибо!)

Ну вот и ошиблись. По этому письму уже видите, что мне хочется с Вами много, много говорить. Я прежде всего, ужасно и совершенно искренне, просто, не отвлеченно, а жизненно, для себя, люблю талант. А вы мне всегда казались и все более кажетесь чрезвычайно талантливым *человеком*, заметьте, не только литератором, критиком, но и *человеком* талантливым. Как же мне Вами не интересоваться. А кроме того, по Вашим статьям, я сразу почувствовал, что Вы один из немногих (увы, слишком немногих людей!) в современной русской литературе, которые *знают, где раки зимуют*. Если Вы и не всегда говорите *так*, как нужно говорить, то всегда о *том*, о чем нужно говорить.

И вот хотелось бы мне да и вообще нам (З.Н. Гиппиус, Дм. Вл. Философову) поговорить с Вами в печати. И не для полемики, а для взаимного согласия, выяснения возможных точек схождения. Мы это и намерены сделать. Пришлите непременно Вашу «скверную» книжку — «*От Чехова до наших дней*»⁶. Я напишу о ней отзыв или для «Русской мысли» или для «Свободных Мыслей»⁷.

Хотелось бы также, чтобы Вы прочли мою статью о Леон<иде> Андрееве (под несколько странным заглавием «В обезьяньих ла-

пах»)⁸, — она появится (если редакция не испугается, что весьма возможно) в Янв<аврской> книжке «Русской Мысли». Ежели Вы напишите об этой статье, то пришлите мне Вашу статью: мне кажется было бы всего удобнее вступить нам в печатную беседу именно по поводу Л. Андреева — явления очень центрального и характерного для современности.

Что касается до моей статейки «У позорного столба»⁹, то не знаю, право, решусь ли я послать в «Свободные мысли». Она мне кажется не только устаревшей, но и чересчур личной и узко-полемической — в частности к Вам обращение, м<ожет> б<ыть> неверное, что мне почувствовалось по Вашему письму.

Но мне и З. Н. хотелось бы сотрудничать *постоянно* в какой-либо газете. Нельзя ли устроиться в «Свободных Мыслях»? Я бы послал туда другую статью о духоборах (по поводу новой книжки Бирюкова¹⁰). Там же написал бы и о Вас. Или в «Речи»? Но боюсь, что в «Речи» нам свободы не дадут: они боятся религиозных тем.

Во всяком случае попробую написать в «Св<ободные> Мысли» и предложить свои услуги. М<ожет> б<ыть>, что-нибудь из этого и выйдет. Если увидите И. М. Василевского¹¹, то скажите ему о моей готовности сотрудничать у него.

Прочтите в Декабр<ьской> книжке «Русской Мысли» статью Д.В. Философова «Весенний Ветер»¹². Она очень интересная — и на Ваши же темы. Если бы Вы обратили на эту статью внимание публики, было бы очень важно.

Сердечно благодарю Вас за письмо и надеюсь, оно не последнее. И верьте, что «нам» до Вас, и вообще «до людей» есть дело.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский.

Р. S. З.Н. Гиппиус Вам тоже хочет писать¹³.

¹ Письма из Парижа Мережковского (1, 2, 5, 7) и Гиппиус (3, 4) на почтовой бумаге с типографски отпечатанным адресом: 15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI). В левом верхнем углу первого листа письма приписка рукой Чуковского, вероятно, случайная: К.И. Арабажин. Чернышев 20 кв.17.

² Аллюзия на цитату Андрея Белого из статьи «Мережковский» (позднее вошла в «Арабески» (М., 1911)): «Мережковский смотрит *сквозь* человека» («Утро России», 1907). Этой цитаты нет в фельетоне о Мережковском в «Речи», она появляется только в переработанном 3-м издании «От Чехова до наших дней». В конце жизни при подготовке тома дореволюционной критики в первом собрании сочинений Чуковский прямо назовет статью о Мережковском «Сквозь человека» (Собр. соч. в 6 т. М.: Худ. лит., 1969. Т. 6. С. 190–201).

³ Перечисляются имена «героев» работ Мережковского: «Гоголь и черт» (М.: Скорпион, 1906); «Воскресшие боги. Леонардо да-Винчи» (СПб.: М.В. Пирожков, 1902) (впервые «Мир Божий. 1900. №№ 1–11»); «Смерть богов. Юлиан Отступник»

(СПб.: М.В. Пирожков, 1902) (впервые под заглавием «Отверженный» («Северный вестник. 1895. №№ 1–6; отд. изд. 1896); статья «Лермонтов» появилась в «Весах» (1909. № 1) и в «Русской мысли» с заглавием «Поэт сверхчеловечества. Лермонтов» (1909. № 3).

⁴ Аллюзия к книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» встречается в книге «Л. Толстой и Достоевский»: «Однажды Заратустре является карлик, отвратительный “горбун”, дух “земной тяжести”, и напоминает ему об этом непобежденном, метафизическом бреде, о “вечных возвращениях?» (цит. по: *Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский* / изд. подготовлено Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. (Лит. памятники). С. 176).

⁵ Имеется в виду повесть М. А. Кузмина «Крылья» (Весы. 1906. № 11).

⁶ Дебютная книга Чуковского; изд. 1-е и 2-е: СПб.: Издательское бюро, 1908; изд. 3-е, испр. и доп.: М.: А.Ф. Маркс, 1908. Была послана в Париж с инскриптом: «Дмитрию Сергеевичу Мережковскому. Только что прочитал чудную, чудную, чудную статью Д.В. Философова — решаюсь послать Вам (и ему?) эту недоделанную книжку, с извинением, что она разрезана — это последний экземпляр — авторский. Привет! Чуковский. P.S. Утром написал Вам глупое пись<мо>. Не сердитесь» (Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 272; publ. О.А. Блиновой). В письме Брюсову от 8 января 1908 г. Чуковский также аттестует это издание как «выкидыш какой-то, а не книжку», но подчеркивает: «...иное в ней люблю: о Мережковском, о Зайцеве, об Арцыбашеве» [28, т. 14, с. 150].

⁷ Отзыв Мережковского в печати не появился.

⁸ Статья Мережковского «В обезьяньих лапах» (Русская мысль. 1908. Кн. II) была внимательно прочитана Чуковским. Публичная лекция, с которой он выступал в Киеве 30 марта 1908 г., называлась «Обезьяньи лапы. О Леониде Андрееве и его пьесах. “Царь-Голод”» [28, т. 14, с. 162]. В переработанной для 3-го изд. книги «От Чехова...» статья «Д.С. Мережковский» вместо снятого последнего абзаца была добавлена новая концовка: «“Самого драгоценного, единственного, неповторимого, что делает меня мною — в лопухе уже не будет. Не только человека, но и травяную вошь можно ли насытить лопушиным бессмертием”, — возмущается он в великолепной своей статье об Андрееве “В обезьяньих лапах”. Воображаю, как возмутился бы он самим собою, если бы судил свою “Трилогию” тем же судом, что и андреевскую» [28, т. 6, с. 151]. В обзоре «Русская литература» за 1908 г. (Речь. 1909. 1 (14) янв.) Чуковский называет эту статью Мережковского «единственной настоящей критической статьей» за прошедший год [28, т. 7, с. 393].

⁹ Статья с таким названием неизвестна (см. вступ. статью). Возможно, первоначальный текст был переработан для фельетона Мережковского «Мистические хулиганы» (Свободные мысли. 1908. № 38, 28 янв.).

¹⁰ Имеется в виду книга биографа, друга и последователя Л.Н. Толстого П.И. Бирюкова (1860–1931), «Духоборцы: сборник статей, воспоминаний, писем и других документов» (М.: Посредник, 1908), которая вышла из печати в конце 1907 г.

¹¹ И.М. Василевский — издатель журнала «Образование» и газеты «Утро».

¹² Статью Д.В. Философова «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Кн. XII) Мережковский считал «глубоко проникновенной», вскрывающей суть «мистического анархизма» (см. «Мистические хулиганы»). В конце статьи Философов ссылается на мнение «молодого критика Чуковского».

¹³ Гиппиус ответила Чуковскому через месяц, см. п. 3.

2. Мережковский — Чуковскому

3–4 января 1908 г. Париж¹

Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)

Глубокоуважаемый Корней Иванович,

я отправил статью в «Речь» под заглавием «Христианские анархисты» (о духоборах)². Очень бы Вам благодарен был, если бы Вы справились, пойдет ли она, и ответили бы мне двумя строчками. Я также предлагаю «Речи» мое постоянное сотрудничество.

На днях отправляю статью о текущих литер<атурных> делах (по поводу новогодних литерат<урных> отчетов — там будет и о Вас) в «Свободные мысли»³.

Там тоже предлагаю мое постоянное сотрудничество.

Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого, а хотелось бы, чтобы вышло с Вашей легкой руки.

Надеюсь, Вы получили мое большое письмо, которое я отправил Вам заказным с неделю назад — в ответ на Ваше письмо.

Искренно преданный Вам

Д. Мережковский.

¹ Датируется по содержанию.

² Первый фельетон Мережковского, опубликованный в «Речи» (1908. № 10, 12 янв.), построен на размышлениях о «любопытной книге П. Бирюкова» (см. прим. 10 к п. 1).

³ Имеется в виду статья «Мистические хулиганы» (см. прим. 9 к п. 1), в которой критику уделено одно предложение: «Теперь понятен и тот идейный столбняк русской литературы, о котором говорит Чуковский». Отсылка к годовому отчету «Русская литература. 1907» (Речь. 1908. 1 (14) янв.), в котором прошедший год назван «эпохой полнейшего распада художественных, литературных, общественных школ, направлений, партий, программ». Основной причиной стагнации, вполне в духе Мережковских утверждает Чуковский, является отсутствие «идейного питания литературы», что порождает, распад, порнографию, стилизацию и пр. [28, т. 6, с. 553].

3. Гиппиус — Чуковскому

25 января 1908 г. Париж

Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)

25. 1. 08

Очень рада, что мы, наконец, вступили в непосредственные сношения. Мне о вас нынче летом писал один добрый друг мой — В.В. Успенский¹. Я вас давно помню и слежу за вашим ... ну, ростом, что ли. В «Св. Мысли»... (написалось — точно «святые» мысли!) непременно пришло фельетон, но так как о вас неудобно, то я в этом

письме скажу, что я о вас думаю, чтобы начать отношения с открытости. Не бойтесь — в двух словах. И точно.

Во-первых — это по моему настоянию Дм. С. не печатает свою статью «У позорного столба». Мне не нравится «тон» статьи и, в частности, не нравится то, что о вас. Я нахожу, что Д. С. несправедлив, не объективен. Я нахожу, что ваша статья о нем *верная*, хотя и не любовная, но что тем не менее вы, как вы, заслуживаете гораздо более строгой критики. Мне жаль, что среда вас балует, жаль, что ваша книга (дешевая книжка!)² так расходуется, жаль, что вы устроились и катитесь на трех салазках газетного успеха, — жаль именно потому, что вы *очень талантливы* и, при этом, кажется умны. Посмотрите, какой «тон» вас засасывает, какой он скверный, гаерский, иногда прямо хулиганский. Пусть бы он был, но нельзя, чтоб только он и был, не может *весь* писатель-человек из него состоять. А есть ли у вас рядом другое? Какой бы ни был талант — всегда есть опасность погрязнуть в этом одном тоне, а тогда — Дорошевич³, Шебуев⁴, Амфитеатров⁵... все «гремели!» Право, вы стоите дороже — на мой взгляд; а потому мне и жаль. Досадно. Если бы не это — я просто бы смеялась, хвалила за остроумие, смеялась... а потом надоело бы. И кончено.

Больше скажу: ведь этот ваш тон и «легкость пера» вам самому нравятся! Вот тут-то главная, да, может быть, и единая опасность! Нравятся, нравятся, чую и вижу это сквозь ваши улыбчивые жалобы и скромные отмахиванья. Если вы этого в себе не видите, — ну что ж, значит я вижу больше. Но это есть. Ваша скромность — чуть-чуть «скромность великого человека». Отнюдь я не желаю вам давать «советов»⁶, — я только рассказываю вам то, что вижу и объясняю, почему мне «жаль человека». Человека (не «вообще»), а вот этого или вот того) я люблю, к лику его привычно-внимательна, по мере разумения, — им огорчаюсь или ему радуюсь. И, вот, говорю вам, что меня в вас бескорыстно огорчает. Жаль будет, когда вы окончательно распылитесь, остроумно подскакивая на телах Дымова⁷ и Рославлева⁸. Забавно это очень, но всю жизнь проскакать на мертвецах... Как бы трупным ядом не заразиться, а далеко все равно на них не уедешь. Понемногу и с живыми вы станете обращаться, как с мертвецами. (Есть, ведь, у вас одинаковый *тон* и в статье о Чехове⁹, и в статье о Каменском¹⁰).

Ну, впрочем, я не хочу пророчествовать. Я только по опыту знаю, как старый журналист, что тон этот липнет к перу, что раскисшая резинка, и страшных усилий стоит держать его «про запас» и владеть им: он стремится владеть тобою. Лезет, когда не хочешь, — всегда лезет.

Напишите мне про Ценского¹¹. Статья о нем вызвала первое охлаждение между мной и Брюсовым¹², который его терпеть не может. (Впрочем, Брюсов самодержец, а я не люблю самодержавия, так что мы должны были рано или поздно столкнуться). Насчет Зайцева мы с вами, кажется, сошлись¹³. А что такое Ценский, сам, и в чем я перед ним погрешила?

Удивляюсь вашему преклонению (журналиста, который всегда, однако, может и за пятку укусить) перед Андреевым¹⁴. Пора, кусайте!

На днях я выпускаю сборник Антона Крайнего¹⁵. Это я делаю с неудовольствием, *contre соеур*¹⁶. Хотя и выбросила многое, а все-таки тон часто скверный, «книга» должна быть серьезнее однодневки-фельетона. Ну до свидания, захотите отвечать — буду очень рада.

З. Гиппиус.

¹ Успенский Вас. В. (1886–1930) — историк педагогики, богослов, проф. Петербургской духовной академии, ближайший друг и соратник Мережковских, один из членов-учредителей Религиозно-философских собраний, сотрудник журнала «Новый путь» (1903–1904), с 1905 г. — «Вопросов жизни» (псевдоним Б. Бартеков).

² Речь идет о книге «От Чехова до наших дней», 1-е изд. было отпечатано в конце декабря 1907 г.

³ Дорошевич В.М. (1865–1922) — известный журналист, «король фельетона» в конце XIX — начале XX в. С 1902 по май 1917 г. — фактический редактор «Русского слова».

⁴ Шебуев Н.Г. (1874–1937) — журналист, писатель-сатирик, издатель популярного сатирического журнала «Пулемет» (1905–1906), «Газеты Шебуева» (1906–1907), журнала «Весна» (1908–1914). В фельетоне «Господа Чукопильские» (Раннее утро. 1908. № 317. 5 дек.) Шебуев создает пародийный образ критиков-«близнецов», Чуковского и П. Пильского, назвав их *Пильчуковским* и *Чукопильским*, и в том же духе затронет Д. Философова, Д. Мережковского и слегка А. Крайнего.

⁵ Амфитеатов А. В. (1862–1938) — плодовитый писатель, публицист, фельетонист, музыкальный и театральный критик. Гиппиус имеет в виду, очевидно, деятельность Амфитеатрова в газете «Новое время» (1892–1899), где он вел популярные рубрики «Московский фельетон» и «Воскресный фельетон».

⁶ По-видимому, это реплика в ответ на просьбу Чуковского дать ему советы по поводу его книги, с которой он обращался ко многим. Например, в письме к А.Г. Горнфельду от 8 января 1908 г. он пишет: «Моя книжка «От Чехова etc.» разошлась. Две тысячи в две недели. Затеваю второе издание. <...> Ради Бога, Аркадий Георгиевич, черкните мне о ней, не обинуясь, деловитое письмо: то исправить, то выкинуть, там прибавить. Не сердитесь, что прошу об этом, — больше некого; другие мнения знаю наперед» [28, т. 14, с. 148–149].

⁷ Статья «Осип Дымов», вошедшая в сборник «От Чехова...» [28, т. 6, с. 53–60] — переработанный вариант фельетонов Чуковского «Мещанское и его поэзия» (Одес. новости, 1905, 14 авг.), «Ваше сиятельство, прокачу!» (Свободные мысли. 1907. 29 окт. (11 нояб.)). Меткое определение, данное критиком Дымову, — «литературный лихач», запомнилось, в частности, А. Белому (см.: *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 25).

⁸ Поэт А.С. Рославлев (1893–1920) пародийно высмеян Чуковским как один из эпитонов модернистов (прежде всего Брюсова) в нашумевшем фельетоне «Третий сорт», вошедшем в книгу «От Чехова...» (впервые: Весы. 1908. №1) [28, т. 6, с. 105, 110–114].

⁹ Литературный портрет «А. П. Чехов» [28, т. 6, с. 31–41] открывает дебютную книгу Чуковского не случайно: здесь высказаны основные эстетические взгляды критика, идеальное воплощение которых он видел в творчестве писателя. В области художественных вкусов Чуковский оппозиция Чехов — Мережковский будет наиболее открыто выражена через два года после начала переписки в статье «Чехов и христианство» (Мир. 1910. № 5) [28, т. 7, с. 487–494].

¹⁰ Беллетристика А.П. Каменского (1876–1941) неоднократно упоминается в критике Чуковского как образец мещанской «порнографической» литературы, прикрывающейся antimещанскими, нищенскими и социал-демократическими идеями. «Остерегайтесь подделок!» — так начинается его фельетон, включенный в сборник «От Чехова...» [28, т. 6, с. 93–96]. Позже в газете «Речь» (1908. 11 (24) дек.) появится статья о Каменском «Идейная порнография». В отличие от едкого «тона» работ о Каменском, статьи Чуковского о Чехове отличаются серьезно-благоговейной интонацией, поэтому замечание Гиппиус не вполне справедливо.

¹¹ Сергеев-Ценский С.Н. (1975–1958) — писатель, получивший известность после выхода в свет романа «Бабаев» (1907). Первоначально Чуковский критически оценил роман в статье «О Сергеев-Ценском» (Родная земля. 1907. 5 (18) февраля), которую перепечатал под говорящим названием «О мозаике» (Речь 1907. 29 июля (18 авг.)). В переработанном виде она вошла в сборник «От Чехова...» под названием «Сергеев-Ценский» [28, т. 6, с. 61–68], в варианте для 3-е изд. к первоначальному тексту был добавлен фрагмент: «...г. А. Крайний справедливо видит трагедию г. Сергеева-Ценского в том, что он “полюбил жизнь прежде смысла ее”». В годовом литературном отчете за 1907 г. Чуковский отозвался о «молодом беллетристе» более сочувственно, подчеркнув, что он «вместе с утрированно-модернистским языком и неприятно-экзотическими образами принес откуда-то в равнодушный круг “стилизаторов” искреннюю тоску, боль неотвеченных вопросов и страх перед темной громадой жизни» [28, т. 6, с. 554].

¹² Речь идет о второй части статьи А. Крайнего «О Шиповнике» под названием «На острие (Сергеев-Ценский)» (Весы. 1907. № 5), откуда была взята приведенная Чуковским цитата. В черновом письме к Гиппиус, помеченном («1907, страстная неделя», т. е. 16–21 апреля), Брюсов пишет: «...со словами о Ценском я не согласен вовсе: не признаю его нисколько» [16, с. 162]. Подробнее см.: [14].

¹³ В рецензии А. Крайнего под названием «Тварное» утверждалось, что в книге рассказов Бориса Зайцева (Шиповник, 1906), «сочной и неподвижно-картинной, — нет, или почти нет, ощущения личности, нет человека. Есть последовательно: хаос, стихии, земля, тварь и толпа... А человека еще нет» (Весы. 1907. № 3). В статье о Зайцеве «Отпевание индивидуализма» (Речь. 1907. 4 (17) ноября) Чуковский также говорил о том, что в рассказах писателя «...любовь к человеку с маленькой буквы, к реальной человеческой личности» постепенно исчезла и заменилась «подозрительным каким-то пантеизмом». Статья вошла в книгу «От Чехова...», 1-е изд. которой читала Гиппиус. Для 3-го изд. Чуковский сильно отредактировал текст: появились более четкие формулировки общего характера и большая цитата А. Крайнего, начало которой приведено выше, со ссылкой на «Литературный дневник», о его ближайшем выпуске упоминается в письме [28, т. 6, с. 131–140].

¹⁴ Замечание Гиппиус не вполне точно. К творчеству Л. Андреева Чуковский обращался с первых шагов своей критической карьеры, однако отношение к писателю даже в ранних статьях не было однозначным «преклонением», а чем дальше, тем сложнее оно становилось. Уже в первой статье «Дарвинизм и Леонид Андреев. Второе “письмо о современности”» (1902) молодой Чуковский выявил «настоящего» и «ненастоящего» Андреева. Эта антитеза устойчиво заострялась, вплоть до книги «Леонид Андреев большой и маленький» (1908), появившейся вслед за сборником «От Чехова до наших дней», который завершается андреевским литературным портретом. По логике книги Андреев является «фокусом всех типических черт, разрозненно пребывающих в других современных писателях. Все свойства своих современников Андреев увеличил до грандиозных размеров и все совместил в себе.

Он синтез нашей эпохи под сильнейшим увеличительным стеклом» [28, т. 6, с. 163]. Подробнее о сложных взаимоотношениях критика и писателя см. комментарий Е.И. Ивановой в собр. соч. Чуковского [28, т. 6, с. 22–23, 561, 578–579], а также [26].

¹⁵ *Крайний А.* Литературный дневник (1899–1907). СПб.: изд. М.В. Пирожкова, 1908.

¹⁶ Против сердца (*фр.*).

4. Гиппиус — Чуковскому

5 февраля 1908 г. Париж

Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)

5. 2. 08

Я поверила «каждому слову письма» — и отвечаю. Вообще очень люблю верить, а с вами мне не приходится и усилия делать. Не верю я скорее тому, кто ничего не говорит, а с виду будто такой или эдакий. Чутется, что у него своя подкладка — неизвестного цвета. Поэтому я далеко не была уверена в вашем «самодовольстве», а интересовалась вашим настоящим отношением к своим писаниям, т. е. вашим «я». Вы отлично написали, необыкновенно ясно. Чего не сказали — и то понятно.

Положение гадкое, но не безвыходное. Раз у человека сознание ясное, у меня почти уверенность, что он должное свое место найдет. Опасно «привыкнуть» к проституции, так, что уж потеряешь все способности влюбиться; вот от этой-то привычки и надо спастись умом и талантом. Ведь глупо же, что Мережковский, потому что он имел возможность (физическую) кончить гимназию, университет, читать массу толстых книг, — к сорока годам стал за границей *cher maitr'*ом, в России «уважаемым» писателем, — а Чуковский, оттого что толстых книг не имел, а вместо них детей и родственников — *cher maitr'*ом не сделается, а испишется на «фельетончиках», только зубы молодые потеряет, как Буренин¹. Ведь и Буренин в свое время был не лишен таланта. Но я вас с ним ни за что не хочу сравнивать, и не хочу примириться, чтобы вы так и шли по своей линии «девки с Невского». Внешние «обстоятельства» невероятно важны, но, ей Богу, они для того и существуют, чтобы их себе подчинять. «Хорошо поешь», скажете вы, «а вот попробовала бы сама...». По-моему — трудно сравнивать «судьбы». Но думаю, что таких обстоятельств, которых человек наверно (и по-хорошему) победить не мог бы, — ему не дается. Если мне, Мережковскому или Философому кое в чем легче было, — то, может быть, нам сил отпущено меньше, чем вам. А затрата воли должна быть одинаковая. — Знаете, вот я тоже «не

получила никакого образования», и тоже не по моей вине. Училась, было, в классической гимназии², все хорошо, греками стала увлекаться — а потом хлоп, заболела, да так всю молодость проболела, по «климатам» ездила ждать смерти от чахотки. Поганое состояние, и, думаю, выжила только оттого, что, внутренне, умереть не соглашалась. Я теперь знаю и Le Roy и Бергсона³, — но когда Мережковский свои первые романы писал, и нужно ему было спокойствие, досуг, книги и никаких посторонних «денежных» вещей он в течение 2-х лет писать не мог — тогда и мне было не до Бергсона, а сидела я смиренно и с отвращением стряпала романы для Шеллера в Живописное Обозрение, для всяких Всемирных Иллюстраций, для Нивы и Наблюдателя⁴ ... честное слово! Эти романы я в напечатанном виде и в глаза не видала, и видеть не хотела бы, и не увижу никогда, а они печатались, под самыми заманчивыми заглавиями; где-нибудь на-верное и теперь существуют. Платили хорошо, а это только и нужно было тогда. Так что, видите, и у нас были свои «обстоятельства». Вся штука не в том, чтобы их не иметь, а чтобы в них себя не растерять.

Мы и теперь весьма и весьма небогаты. Мережковский не для удовольствия пишет свои неумелые «фельетончики» для газет (написав «для себя» драму раньше⁵, это — правда). Я уверена, что ему «фельетончик» написать — вдесятеро большего труда и сил стоит, нежели вам. Прежде он их вовсе не умел писать, так что, когда, перед отъездом нашим (года 3 тому назад) он в «Русском Слове» участвовал, то давал им главы из книги, которую тогда готовил⁶, или я писала под его именем. А вот, учится понемногу. Мне — легче, но очень противно в газетах. С удовольствием я писала только в Новый Путь, — в «свой журнал». Помощников тогда не было... Если, когда мы вернемся, удастся нам устроить где-нибудь серьезное — вы ведь не откажетесь быть, по всей возможности, нашим ближайшим помощником литературным?⁷

Это, последнее, — в скобках. А я к тому веду, что пусть «фельетончики», пусть приятность скверного, не уважающего к тому же читателя, — надо, чтобы *рядом* была очистительная купель, что-то серьезное, тихое и вечное, где «я» расцветает и укрепляется, где ему быть совсем не стыдно, а уважительно. Тогда и на «фельетончики» иное, большее, право перед собой приобретается. Это, может быть, тяжелее, чем *только* фельетончики, труднее внешне, но за то и внешне, в конце концов, окажется... выгоднее. А насчет внутренней выгоды — вы уже и сами понимаете.

Начали, вот, вы о Чехове... а потом, глядишь, сбой. Не хватило ... чего? Времени? Терпения? Привычки к мысли «для себя»? Все равно

чего; но «нехватка» тут особенно чувствуется. Знаете, ведь иной тут может все, вплоть до «мнения», потерять. И разве не бываете вы близки к таким фельетончикам без себя и без мнения, а только с *truc*³ с одной фразкой, на которую все навито? Слишком мне это знакомо ... изнутри. Я ведь не полемизирую с вами, и педагогикой не занимаюсь, а просто *требую* от вас *и* серьезного роста и выявления вашего «я». Есть у человека ум и талант, значит человек ответствен. И нет ему тут окончательного извинения ни в каких «обстоятельствах».

«Насильно» ваше еще не напечатано⁸. За письмо ваше еще раз спасибо, хорошее оно. Как-нибудь напишите — я буду рада. Мы вернемся — может тоже в Куоккале⁹ будем жить зимой. А портниха моя — в сущности прегадкая, если вернусь к ней — то лишь ради ее послушания.

Ваша Z. Hippius-Mer.

<Приписка в верхнем левом углу первой страницы письма:>

Отчего вы в Весах больше никогда не пишете? Положим, там, «ни красоты, ни радости»: ни свободы, ни денег.

¹ С В.П. Бурениным (1841–1926), известным «зоилом», фельетонистом-пародистом, сотрудником газеты «Новое время», Мережковских связывали давние враждебные отношения. Во многих буренинских фельетонах ядовито высмеивались «декадентский поэт Неспособный» и «супруга его, Птица Ивановна». В письме А.С. Суворину от 25 ноября 1897 г. Гиппиус заявляла: «Я весьма уважаю литературные способности г. Буренина, но думаю, что у меня с ним решительно ничего нет общего, и так же мало надеюсь занять его своими писаниями, как мало он может задеть меня фельетоном, неблагоприятным и благоприятным равно» [19, с. 45]. Ср. также звание Мережковского в письме от 18 апреля 1905 г. к тому же корреспонденту: «Еще раз усерднейше прошу и даже умоляю: избавьте, защитите от В.П. Буренина, которого я считаю человеком весьма талантливым, остроумным, но совершенно чуждым того, что составляет главный предмет моей книги, да и всей моей литературной деятельности» [19, с. 78].

² Гиппиус несколько лет училась в московской классической гимназии Фишер, которую оставила из-за начавшегося наследственного туберкулеза и переезда семьи в Ялту; см. ее автобиографическую заметку: Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С. А. Венгерова. М., 2004. С. 106.

³ Леруа Эдуард (1870–1954) — французский философ, математик, ближайший ученик А. Бергсона, представитель католического модернизма. Бергсон Анри (1859–1941) — один из самых оригинальных и влиятельных философов XX в., развивающий идеи интуитивизма и философии жизни. Ср. также упоминания этих имен в воспоминаниях Гиппиус: «Тогда, в Париже, кроме abbé Laberthonniérea, <...> мы знали, из примыкавших так или иначе к модернистическому движению, очень немногих: Le Roy, Бергсон... один пастор, не помню имени» (*Гиппиус-Мережковская З.Н.* Собр. соч. Т. 16 (доп.). Он и мы. Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 65). В письме к А. Белому в 1907 г. Гиппиус писала: «У нас только начинаются открываться глаза на религиозную Европу, мы только что начинаем видеть значение католичества и всю важность философии не-о-католиков. Вы поймете ценность Le Roy, с одной стороны, и Бергсона, с другой» (там же, с. 428). О связях Мережковских с французскими неокатоликами см.: [13, с. 32–42].

⁴ В «Живописном обозрении», еженедельном художественно-литературном журнале (ред. А.К. Шеллер (А. Михайлов)), вышли повести Гиппиус «Не для себя» (1894. №№ 44, 45, 47, 48), «Как это случилось» (1895. № 24–26), «Мать-мачеха» (1896. №№ 5–8), «Неуловимая» (1897. № 1), «Родина» (1897. №№ 27–28), «Последние желания» (1900. №№ 1–2); в ежемесячном литературном прибавлении к журналу «Живописное обозрение» — роман «Победители» (1898. № 1). Во «Всемирной иллюстрации», еженедельном иллюстрированном журнале, печатались очерки Гиппиус: «Чрезвычайное событие» (1891. № 25 (1195)), «Голубое небо» (1893. № 10 (1258)), «Развлечение» (1894. № 19 (1345)) и др. В «Наблюдателе: журнале литературном, политическом и ученом» был опубликован роман Гиппиус «Без талисмана» (1896. №№ 5–9). В «Ниве», еженедельном иллюстрированном литературно-художественном журнале — только стихотворение Гиппиус «Снег», подп. Д. Мережковский (см.: [3, с. 51–56]).

⁵ Речь идет о «Павле I» (см. вступ. статью).

⁶ Имеются в виду статьи Мережковского «Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова)», «Откуда явился босяк?», «“Дно” и “подполье”», «Босяк и христианство», «Святая София», «Отец лжи», «Китай в Европе» (Русское слово. 1905. №№ 198; 200; 207; 219; 217; 226, 233), которые вошли в книгу «I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький» (СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906), а также ряд статей Гиппиус, опубликованных под именем Мережковского: «Декадентство и общественность» (Весы. 1906. № 5), «Все против всех» (Золотое руно. 1906. № 1); см.: [3, с. 61–62].

⁷ Мережковские, вернувшись в Россию, действительно пригласили Чуковского для участия в их нереализованных издательских проектах осени 1908 г. («Образование», «Утро», «Русская мысль»). Подробнее об этих «литературных неудачах» см.: [17, с. 618–620].

⁸ Возможно, речь идет о «ругательной» заметке Мережковского о Чуковском, на публикации которой, по-видимому, настаивал последний.

⁹ Куоккала — дачный финляндский поселок под Петербургом, Чуковский жил здесь с семьей с весны 1906 г. до осени 1917 г.

5. Мережковский — Чуковскому

14 февраля 1908 г. Париж¹

Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)

Многоуважаемый Корней Иванович,

мы, т. е. я и З. Н. очень просим Вас взять из «Свободных Мыслей» статью З. Н. Гиппиус «Папаша и сынки» и передать ее в «Речь»², а то статья заваливается.

«Свободные Мысли» произвели расчет со мною за напечатанную статью³ совершенно произвольный, а не по условию, и на письма мои не отвечают. Простите за беспокойство.

Надеюсь, Вы получили все наши письма.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский.

¹ Датируется на основании письма Д. Философова к Чуковскому от того же числа (см. ниже).

² 14 февраля 1908 г. Философов просит Чуковского передать названную статью Гиппиус «для “Товарища”, “Столичная почта” тож. Так как мы ожидаем, что для наших целей очень важно, чтобы декадентское имя З. Гиппиус появлялось в “оппозиционной” печати, то мы и решили как можно скорее воспользоваться предложением “Товарища”», и сдать ему фельетон «Папаши и Сынки». <...>. Таким образом, это мое письмо отменяет письмо Д. С—ча, которое Вы ожидаемо получите одновременно с моим» (РГБ. Ф. 620. Карт. 72. Ед. хр. 16. Л. 1–1 об. Частично цитируется в: [22, с. 369]). Фельетон Антона Крайнего «Папаши и сынки» опубликован в газете «Столичная почта» (1908. № 250. 29 февраля (13 марта)) — не учтен в библиографии [3].

³ Имеется в виду статья «Мистические хулиганы» (см. прим. 9 к п. 1).

6. Гиппиус — Чуковскому

29 февраля 1908 г. Париж

29. 2. 08

И отлично, что «не понравилось», очень приятно. В предыдущем письме вы ожидали нас в Россию, для того, чтобы «разочаровываться»¹. Подумайте, приятное ли положение людей, от которых хотя бы «того, чего нет на свете»², а когда они этого не дают (естественно) — то им грозят «разочарованием». Во-первых — положение это совершенно пассивное. Вы очарованы, вы разочарованы... А мы что?

Мы ничего. Как были, так и остались. Ведь мы не старались вас очаровывать? Ну, значит, и во всех ваших разочарованиях пеняйте на себя. Мы остаемся с тем, что имеем и что твердо храним. Конечно, если оно вам не подойдет, вы имеете полное право сказать: не корми меня тем, что я не ем. И то лишь в случае, если бы мы стали вас упорно «кормить», а ведь мы не суем ложку в рот, напротив: приходи, голубчик, со своей ложкой, ежели сие вкушаешь.

Говорю вообще. А в частности — хочу слегка защититься: Архип Архипом³, а к Толстому я отношусь серьезно: вы это увидите из моей заметки в Русской Мысли (Толстой и Плеханов) написанной раньше фельетона в Речи⁴, и трактующей приблизительно о том же. Так что не «Иоська Гессен»⁵ властитель моих тем. Для него лишь «слеза» и то кое-где.

Я уже думала, что вот, мы заполонили газеты и отняли место у вас. Но утешалась тем, что я в конце концов, ленива, да и могу тоже в «Товарище» писать *entre autre*⁶, а Д. С. в Слове, куда его все тянет Струве⁷. Так что это «утрается». В Свобод<ные> Мысли ни он, ни я, ни Дм. Вл. Больше ничего никогда не пошлем⁸.

Читали ваш «Третий сорт»⁹. Я поклялась больше о Чулкове не писать¹⁰. А вы его отлично... Только уж очень это бесспорно. Я все думаю, как бы написать хорошую хвалебную статью. Ругаться не штука. Да ничего не могу найти. Вот Чехова письма родным

в Нов<ом> Слове¹¹. Читали вы их? «Царь-Голод»¹² в глаза не видали мы. Не пришлете ли, если это удобно? Но писать об этом не буду. Предчувствую, что это такое...

До свидания. «Антон Крайний» вышел неделю тому назад¹³, но вы знаете Пирожкова: он сидит на своей квартире (В.О. 2 л. 6) обнявшись с изданными книгами и рыдает, если покупатель вырвет у него экземпляр. Автору не посылает.

Ваша З.Г.

¹ Это замечание проясняет приведенное выше письмо Д. В. Философова, в конце которого говорится: «Вы мимоходом заметили в письме к Зин. Ник-не, что ждете ее, и боитесь, как бы не разочароваться. Да это очень страшно, но в жизни без риска нельзя. Рискнем? Главное не искать очарований, а простой взаимной помощи для совместной работы» (РГБ. Ф. 620. Карт. 72. Ед. хр. 16. Л. 2 об.).

² Из стих. З.Н. Гиппиус «Песня» («Окно мое высоко над землею...», 1893).

³ Имеется в виду фельетон З. Гиппиус «Архип у Толстого» (Речь. 1908. 27 янв.), где приводится письмо бывшего матроса, невежественного, но начитавшегося декадентов, который пришел в Ясную Поляну поговорить о Боге, в которого не верит. Но разговора не получилось. Об этом фельетоне и, почти наверняка, об эпистолярном отклике Чуковского вспоминает Философов в статье «Дневник журналиста. III. Декадентские мужички»: «Архип не особенно понравился одному моему знакомому литератору. “Графоман и гоголевский Петрушка, — пишет он мне, — и Белого даже, подлец, читал!”» (Столичная почта. 1908. 14 (27) февр. № 237).

⁴ Фельетон «Толстой и Плеханов» (Русская мысль. 1908. № 2) был написан Гиппиус осенью 1907 г. для «Столичного утра», но не вышел в связи с закрытием газеты (см. вступ. статью).

⁵ Гессен И.В. (1865–1943) — публицист и общественный деятель, фактический редактор газеты «Речь».

⁶ между прочим (*фр.*).

⁷ См. п. 5.

⁸ О взаимоотношениях Мережковских с П.Б. Струве (1870–1944), видным общественным и политическим деятелем, публицистом, с 1906 г. соредктором (вместе с А.А. Кизеветтером) журнала «Русская Мысль», см.: [8].

⁹ См. пр. 7 к п. 3.

¹⁰ В полемике «Весов» с «мистическим анархизма» и «травле» Г.И. Чулкова Гиппиус сыграла немалую роль, см.: *Крайний А.* «Иван Александрович неудачник» (Г. Чулков. О мистическом анархизме. Вступ. статья В. Иванова о неприятии мира) (Весы. 1906. № 8); «Трихина» (Весы. 1907. № 5) (под псевдонимом Товарищ Герман); «Анекдот об испанском короле» (Весы. 1907. № 8). Последняя статья заканчивается утверждением: «Я, по крайней мере, к Чулкову больше не вернусь, да и другим не советую». В письме Брюсову от 1 августа 1907 г. Гиппиус подводит итог: «...я не чувствую себя способной еще и еще раз переписывать о Чулкове. Да провались он совсем! Пора кончить с ним борьбу — непосредственную» [16, с. 178].

¹¹ *Чехов А.* Письма из Сибири // Новое слово. Товарищеский сб. Кн. 2. М., 1907. Откликаясь на этот сборник, Гиппиус под псевдонимом А. Крайнего в фельетоне «Реп» отметила «единственные страницы истинной живой красоты и прелести» — чеховские письма (Весы. 1908. № 2). В годовом обзоре «Русская литература» (1908) Чуковский констатировал: «только старыми письмами Чехова оказался хорош новый альманах, самохвально назвавшийся “Новое слово”. Какой праздник для всех — эти

старые письма Чехова! Как будто вновь из могилы вышел самый близкий, родной человек и вновь улыбнулся своей прежней улыбкой» [28, т. 7, с. 389]

¹² Пьеса Л. Андреева «Царь-Голод» (СПб., «Шиповник», 1908) вышла в начале февраля.

¹³ В письме к М.О. Гершензону от 3 (16) марта 1908 г. Чуковский пишет из Куоккалы, что он «с радостью» возьмет на себя рецензию на эту книгу Гиппиус и добавляет, что у него пока ее нет: «Чуть попаду в город, куплю» [28, т. 14, с. 156]. В конце марта он подтверждает свое намерение тому же корреспонденту, уже прочитав сборник и резко негативно оценив его: «За Гиппиус возьмусь, чуть кончу лекцию. Мне несколько мешают дружеские с нею отношения (чем я пренебрегу, конечно) — а ведь книга очень дрянная! Она борется с эстетизмом, а отвергает эстетику — это вещи разные. Ценского ставит выше Зайцева — и глупыми словами бранит Чехова. Ее язык вначале кажется ослепительным, а потом понимаешь, что весь его секрет в колочести. Но ведь, кроме колочести, есть и другие почтенные свойства языка, — Гиппиус их не знает» [28, т. 14, с. 158].

7. Мережковский — Чуковскому

Апрель — май 1908 г. Париж¹

Paris

15 bis, Rue Théophile Gautier (XVI^e)

Глубокоуважаемый Корней Иванович,

в Вашем письме Философону Вы говорите, что возможно бы устроить мою Трилогию² в «Ниве»³ и спрашиваете по этому поводу моего мнения. Какое же сомнение может быть, что я согласен и заранее благодарен Вам. У меня даже явилась была мысль, нельзя ли устроить если не приложением, то как-либо иначе отдельным изданием, что ли, вместе с Трилогией полное собрание моих сочинений⁴. Много критики, но ведь читатели даже «Нивы» ею нынче интересуются.

Затруднение в том, что Трилогия продана Пирожкову в количестве 6000 экзemplяров, и хотя идет очень хорошо, но так как издана еще недавно (около года), то не успела, конечно, разойтись. Как с этим быть, не знаю? Надо будет или подождать (надеюсь, не долго) или выкупить у Пирожкова, уступив ему часть гонорара, что, пожалуй, мне все-таки будет выгоднее?

Во всяком случае, если бы Вы теперь же начали переговоры с «Нивой» и подготовили почву к тому времени, когда я вернусь (в Июне-Июле этого года), то Вы оказали бы мне этим *очень большую услугу!* Что касается до размеров гонорара, то я в этом отношении вполне полагаюсь на Вас и вполне уверен, что Вы мои интересы соблюдете лучше меня самого.

Если что устроится, то известите.

Еще раз благодарю Вас от всей души.
Не забывайте.
Искренне Вам преданный

Д. Мережковский.

¹ Датируется по содержанию.

² Имеется в виду: Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. Трилогия. Ч. I и II, изд. 3-е; ч. III, изд. 2-е. СПб.: изд. М. В. Пирожкова, 1906.

³ «Нива» — популярный еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения, издавались «Ежемесячные литературные приложения к журналу», а также бесплатные собрания сочинений многих русских и иностранных писателей. Чуковский сотрудничал с «Нивой» с 1906 до ее закрытия в 1918 г.

⁴ План издания собрания сочинений в 15 томах в «Скорпионе» обсуждался Мережковским также с Брюсовым в письме от 28 декабря 1908 г., см.: [16, с. 212–213]. Однако этот замысел был реализован позже. Полное собрание сочинений в 17 томах вышло в свет в 1911–1913 гг. (СПб.; М.: М. О. Вольф). Подробнее см.: [27].

8. Гиппиус — Чуковскому

27 сентября 1908 г. СПб.¹

Дорогой Корней Иванович!

Мы не приедем завтра, очень уж усумнились насчет дороговизны². Не теряем надежды, что через несколько времени все-таки решим вопрос о даче утвердительно (уж очень она нам нужна)³, но при данных обстоятельствах наших, довольно плачевных, на расход в 500 р. (не меньше выйдет, если не больше) не хватает духу. 500 р. — да ведь это целый путь в Париж, где мы, кажется, гораздо нужнее, чем в Спб... — Ну, да там виднее будет, а пока — спасибо вам за хлопоты, за доброе желание устроить нас.

Желаем вас скоро к себе, обещаю, что не буду вас больше бранить... Я, впрочем, радовалась, что вы во мне вновь воскресили способность сердиться и ревновать за человека. Давно не приходилось.

Сердечно ваша З. Гиппиус.

<Приписка на полях:>

Господи! Что за ужас пакости и пошлости в рассказе Ашешова!⁴

¹ Закрытое письмо из СПб. в Куоккалу, датируется по штемпелю.

² Как следует из письма, Чуковский «хлопотал» о том, чтобы Мережковские сняли дачу в Куоккале, по соседству.

³ Осенью этого года дачу Мережковские не сняли в связи с попытками реализовать издательские проекты.

⁴ Ашешов Н.П. (1866–1923) — журналист, писатель, часто печатался под разными псевдонимами. Речь идет о его сентиментально-мелодраматичном рассказе «Последние Могикане» (Образование. 1908. № 8). В этом же номере были опубликованы

стихотворение Гиппиус «Дома», статьи Мережковского «Бес или Бог» и Гиппиус «Зверобог». Реплика Гиппиус, по-видимому, связана не только с оценкой подразумеваемого рассказа, но и с тем, что его автор был постоянным сотрудником журнала «Образование», которое к тому времени Мережковские считали «своим» и Ашешов их явно не устраивал.

9. Гиппиус — Чуковскому

14 сентября 1911 г. СПб.

14. 9. 11. СПб.

Дорогой Корней Иванович.

По-моему, это чрезвычайно талантливая особа, Мария Людвиговна Моравская¹. Она может пригодиться вам для Жар Птицы². Пусть сама прочтет вам свои детские рассказы — она, к удивлению, сама как ребенок.

Ваша З. Гиппиус.

¹ Гиппиус активно покровительствовала начинающей поэтессе М.Л. Моравской (1889–1947). Ср. ее письмо к Брюсову от 15 октября 1911 г.: «...спешу вам послать стихи одной девицы. <...> Для сведения, частным образом, скажу: особе на вид лет 15, голосок детский, печатается в “Ап[олло]не”, но там, по-моему, берут у нее то, что хуже, посылаемое вам — своеобразнее. Одобряема Вячеславом. На самом деле ей 22 года, и даже имеется общественное и личное “прошлое”. Антон Крайний не сказал бы, что это — героиня его романа, но, до времени, пожалуй, поощрил бы кое-что из робких произведений этой разнообразно одаренной “ученицы”» [16, с. 162].

² Речь идет об альманахе для детей «Жар-птица» (СПб.: Шиповник, 1912), первой детской книжке, составленной Чуковским. Для участия он пригласил А.Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценского, Сашу Черного, М. Моравскую, см. его воспоминания [28, т. 5, с. 70–71]. В дальнейшем, говоря о сб. «Елка: Книжка для маленьких детей» (Пг., [1918]), Чуковский отметил, что «галантливых детских прозаиков и детских поэтов не было, за исключением разве Марии Моравской, которая в своих детских стихах становилась все более жеманной» [28, т. 5, с. 75].

10. Гиппиус — Чуковскому

До осени 1912 г. СПб.

Литейный, 24, СПб

Зинаида Николаевна Мережковская-Гиппиус¹

очень просит Корнея Ивановича дать знать Варваре Александровне Билибиной², что сделалось с рукописью В. Б<илиби>ной «Чужой», посланной в Ниву (в прошлом сезоне) на его, Чуковского, имя. (По соглашению с К. Ив. Чуковским).

¹ На визитной карточке Гиппиус с отпечатанным именем и адресом, по которому Мережковские проживали до осени 1912 г.

² Билибина В.А. (урожд. Бубнова) (1847–1920), мать художника И.Я. Билибина. О судьбе рукописи ничего неизвестно.

11. Гиппиус — Чуковскому*1 октября 1918 г. Петроград*¹

Вторник.

Т. 114–06

Серг<иевская> 83

Дорогой Корней Иванович.

Нам очень нужно и хотелось бы вас повидать. Есть кое-какие важные дела. Д. С. пытался телефонить к вам, но тщетно. Позвоните к нам поскорее и зайдите².

Будем ждать.

Искр<енне> ваша З. Гиппиус.

P.S. Мы только что приехали.

¹ На почтовой карточке: Здесь. Корнею Ивановичу Чуковскому. Загородный пр. д. 27 кв. 30. Вторник приходился на 1 октября. Штемпель: 2.10.18. Петроград. Сбоку от адреса вертикальная приписка другими чернилами рукой Чуковского: «49–07 Григорьев, 114–06 Мережковск<ие> Пападаки»; им же карандашом дата получения (?): 2.X.18.

² Ср. дневниковую запись Чуковского от 15 октября 1918 г.: «Зинаида Гиппиус написала мне милое письмо, приглашая придти, — недели две назад. Пришел днем. Дмитрий Сергеевич — согнутый дугою, неискреннее участие во мне — и просьба: свести его с Луначарским! Вот люди! Ругали меня на всех перекрестках за мой якобы большевизм, а сами только и ждут, как бы к большевизму примазаться. Не могу ли я достать им письмо к Лордкипанидзе? Не могу ли я достать им бумагу — охрану от уплотнения квартир? Не могу ли я устроить, чтобы правительство купило у него право на воспроизведение в кино его “Павла”, “Александра” и т. д.? Я устроил ему все, о чем он просил, потратив на это два дня. И уверен, что чуть только дело большевиков прогорит — Мережковские первые будут клеветать на меня» [28, т. 11, с. 230].

12. Мережковский — Чуковскому*21 февраля 1919 г. Петроград*¹

Пятница

Дорогой Корней Иванович,

зайду к Вам сегодня между 7–9 ч.ч. А если это Вам неудобно, то завтра — между 12–1 ч., чтобы вместе отправиться к Горькому. Хотелось бы переговорить до заседания.

Сообщите последний номер Вашего телефона.

Ваш Д. Мережковский.

¹ Датируется на основании дневниковой записи Чуковского от 22 или 24 февраля 1919 г., с учетом того, что пятница приходилась на 21 февраля: «Мы в коллегии “Деятели Художественного Слова” избрали Мережковского по моему настоянию. Тут-то и начались мои муки. Ежеминутно звонит по телефону. — “Нужно ли мне

баллотироваться?» Вчера мы решили вместе идти к Горькому. Он зашел ко мне. Сколько градусов? Не холодно ли? Ходят ли трамваи? Что надеть? и т. д., и т. д. Идти или не идти? В конце концов мы пошли. Он, как старая баба, забегал во все лавчонки, нет ли дешевого кофею, в конце концов сел у Летнего сада на какие-то доски — и заявил, что дальше не идет» [28, т. 11, с. 238].

13. Мережковский — Чуковскому

15 апреля 1919 г. Петроград

15. IV. 19

Дорогой Корней Иванович,

у меня к Вам просьба. Если Вы увидите, что получение денег затягивается, попросите Гринберга¹ и Горького, ввиду моего отъезда по болезни З. Н. и моей (а что мы действительно больны, подтвердит И. И. Манухин²), выдать мне деньги вне очереди. Откладывать отъезд я больше не могу, а если уеду, деньги пропадут³.

Вы этим окажете мне очень большую услугу.

Искренне преданный Вам

Д. Мережковский.

¹ Гринберг З.Г. (1889–1949), в 1918 году назначен заместителем наркома просвещения А.В. Луначарского, с 1920 г. — член Коллегии Наркомпроса. В дневнике Чуковского см. о Гринберге [28, т. 11, с. 244; 265; 285; 337–338]. О чествовании Гринберга в Доме Искусств и о выступлении Чуковского на этом собрании см.: «Вестник литературы». 1919. № 3. С. 13–14. В «Чукоккале» имеется запись Гринберга от 19.02.1920: «Просвещение — важнейшая задача Советской власти. Быв. Замнарком З. Гринберг» [29, с. 233].

² И.И. Манухин, доктор, с которым Мережковские жили в одном доме. Манухин был хорошим знакомым и лечащим врачом М. Горького. Ср. такую же формулировку в письме к Горькому от 14 мая 1919 г.: «До какой степени отъезда нашего требует состояние здоровья моего и Зинаиды Николаевны, может Вам засвидетельствовать И.И. Манухин», цит. по: [20, с. 38].

³ Ср. запись в дневнике Чуковского от 14 марта 1919 г. о заседании во «Всемирной литературе», на котором «Мережковский заявил, что он хочет поскорее получить свои деньги за “Александра”, т. к. он собирается уехать в Финляндию» [28, т. 11, с. 242].

14. Мережковский — Чуковскому

Середина апреля 1919 г. Петроград¹

Дорогой Корней Иванович,

Искал «Стальной блохи»² и не нашел — у меня ее, должно быть, нет, или пропала. Очень жаль, что не могу Вам этим услужить. Не зайдете ли от Гржебина ко мне, если не поздно будет?

Ваш Д. М.

Посылаю Вам и Зиновию Исаевичу «Декабристов»³: они только что вышли.

¹ Датируется на основании информации о выходе в свет романа

² Вероятно, дореволюционное издание «Стальной блохи. Сказа о тувльском левше и стальной блохе» Н.С. Лескова, скорей всего, из «Полного собрания сочинений в двенадцати томах» (СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902–1903), было необходимо для подготовки серии ста лучших русских писателей в издательстве З.И. Гржебина.

³ Роман Мережковского «14 декабря» (СПб.: Огни, 1918), первоначально «Николай I и декабристы», заключительная часть трилогии «Царство Зверя», вышел в первой половине апреля 1919 г. См. информацию и отклики в: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ, 2006. С. 387; а также дневниковую запись Чуковского от 1 апреля 1919 г, фиксирующую разговор с Мережковским о романе, с участием Н. Гумилева [28, т. 11, с. 247].

15. Мережковский — Чуковскому

20 или 27 апреля 1919 г. Петроград¹

Воскресенье

Дорогой Корней Иванович,

пишу Вам, потому что не хочу Вас больше беспокоить: чувствую, до какой степени я Вам надоел. Но все-таки считаю нужным сообщить о моем посещении Гринберга. Моими объяснениями о выпуске «Александра»² он вполне удовлетворен и при мне сделал распоряжение, чтобы контора не препятствовала получению денег.

Но препятствие оказалось с другой стороны: в сумме ассигновки не хватает денег, чтобы мне заплатить вне очереди, как я просил, а может быть выдано только 10.000 р. За такие деньги я, конечно, не могу продать «Александра», потому что нечем будет выкупить его. Нельзя ли будет заменить «Александра» чем-либо другим? При случае спросите об этом.

Хотелось бы также знать, существует ли еще наша коллегия³ или уже распалась окончательно. Пройдет ли Ваш список критиков⁴

Если Вас не затруднит, позвоните мне по телефону и сообщите положение дел.

Ваш Д. Мережковский.

¹ Датируется на основании содержания письма, на воскресенье падали 20 и 27 апреля.

² Мережковский пытался продать роман сразу в несколько издательств. Ср. письмо Горькому от 29 апреля 1919 г., в котором он пытается объяснить создавшуюся ситуацию: договор об издании романа «Александр I», второго в трилогии «Царство Зверя», с петроградским издательством «Огни» и параллельные усилия продать его издательству «Всемирная литература»: «...по поводу возникших сомнений об

“Александр” могу сказать следующее. Переговоры с “Огнями” начаты мною давно, еще до предложения, сделанного мне Лит. Коллегией. Ведутся они через присяжн<ого> повер<енного> С. О. Грузенберга, который по этому делу может сообщить Вам все данные. У него имеется принципиальное согласие “Огней” на выкуп “Александра”. Ввиду крайней тяжести условий, предложенных “Огнями”, я не мог дать на них согласия, не имея совершенной уверенности, что получу деньги от нового издательства полностью в нужный мне срок <...> Я надеюсь, Алексей Максимович, что Вы не откажете мне в содействии для благополучного окончания этого дела и тем дадите нам возможность уехать для лечения в Финляндию, в чем я и Зинаида Николаевна, в самом деле, крайне нуждаемся»; цит. по: [20, с. 37].

³ Речь идет о редакционной коллегии Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ), большинство членов которой (М. Горький, А. Блок, Н. Гумилев, Е. Замятин, Мережковский, К. Чуковский и В. Шишков) 12 апреля 1919 г. сложили с себя полномочия и вышли из Союза (Вестник литературы. 1919. № 4. С. 12). Причиной послужили финансовые махинации руководства СДХЛ (В. Муйжеля, Ю. Слезкина и др.), процветающее в совете «шкурничество и эгоизм» (см. открытое письмо Сологуба, который вместе с Ан. Чеботаревской, вышел из Союза еще раньше (там же, с. 10–11); а также: [23]).

⁴ Чуковский вместе с Блоком и Мережковским входил в комиссию по выработке программы для издательства Гржебина. Список критиков, о котором идет речь, неизвестен.

16. Мережковский — Чуковскому

30 мая 1919 г. Петроград

По доверенности Зинаиды Николаевны Гиппиус, следуемый ей гонорар *двадцать тысяч (20.000) рублей* за роман «Чортова Кукла»¹, проданный «Всемирной литературе», получил.

Дм. С. Мережковский.

30 мая 1919

¹ Издание романа З. Гиппиус «Чортова кукла: Жизнеописание в 33-х главах» (1911) не осуществилось.

17. Мережковский — Чуковскому

18 июня 1919 г. Петроград

Получил от Корнея Ивановича Чуковского *пятьдесят шесть тысяч рублей (56.000)* в счет гонорара за книгу «Александр I», проданную издательству «Всемирная литература»¹.

Дм. Серг. Мережковский.

18 июня 1919 г.

¹ Роман во «Всемирной литературе» не вышел. См. прим. к п. 18.

18. Мережковский — Чуковскому*9 июля 1919 г. Петроград¹*

Дорогой Корней Иванович,
 мне очень нужно бы с Вами переговорить. Не зайдете ли ко мне от Гржебина. Я буду дома с 9 1/2 ч.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский.

Письмо Ваше получил.

¹ Датируется на основании дневниковой записи Чуковского от 9 июля 1919 г.: «Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал: — Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до “резу”: Между тем не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому пятьдесят шесть тысяч, полученных им от большевиков за “Александра”, да двадцать тысяч, полученных Зинаидой Николаевной Гиппиус. Итого 76 тысяч эти люди получили две недели назад» [28, т. 11, с. 254].

19. Мережковский — Чуковскому*4 ноября 1919 г. Петроград*

4 ноября 1919 г.

Дорогой Корней Иванович.

Не напоминали Вам о себе, потому что чувствовали, как надоело¹. И теперь не напомнили бы без великой крайности. Голодаем, замерзаем. Моя последняя надежда — Ионов². Он кое-что купил у меня, за гроши, и еще может купить. Но для этого надо ему растолковать, в чем дело. Знаю, как это трудно, но м<ожет> б<ыть> Вы попробуете?³

Зайду к Вам сам во Всемирную Литературу, когда назначите, только не завтра.

Ваш Д. Мережковский.

¹ Ср. дневниковую запись Чуковского от 27 ноября 1919 г.: «На заседании Дворца был Мережковский, который говорил мне, кокетничая: “Ну и надоел я вам, воображаю. Я самому себе надоел в аспекте Чуковского. Надоел, надоел, не отрицайте. Надоел ужасно! Надоел! Но вы — добрый. Вот З. Н. (Гиппиус) не верит, что вы добрый, а я знаю, вы добрый, но насмешливый. Насмешливый и добрый!” — все это громко, за столом, вдохновенно» [28, т. 11, с. 274].

² Ионов (Бернштейн) И. И. (1887–1942), заведующий Петроградским отделением Госиздата.

³ Ср. запись Чуковского от 6 ноября 1919 г.: «Сейчас был у меня Мережковский — второй раз. Он хочет, чтобы я похлопотал за него пред Ионовым, чтобы тот купил у него “Трилогию”, которая уже продана Мережковским Гржебину». Тогда же

Мережковский сообщил, что «Публичная библиотека купила у него рукопись “14 декабря” за 15 000 рублей» [28, т. 11, с. 261]. 9 ноября отмечено: «Видел Мережковского. Он написал письмо Горькому с просьбой повлиять на Ионова, — чтобы тот купил у Мережковского его “Трилогию”» [28, т. 11, с. 263].

20. Мережковский — Чуковскому

16 ноября 1919 г. Петроград¹

<Петроград

Пр. Володарского (б. Литейный), 21. Тел. 83-82>²

- 1) Командировка у Гринберга (во Вторник) или у Глазанова³.
- 2) Дрова у Сазонова⁴ и выясните в кооперативе⁵.
- 3) Если случай будет, то переговорить с Горьким о книгах⁶

¹ Датируется на основании позднейшей приписки Чуковского, которая обрамляет текст Мережковского. Верхняя запись — это подчеркнутый заголовок: *Программа моих действий, предписанная мне Мережковским в Колосе, во время лекции Блока «О гуманизме»*. Нижняя — «Автограф Д.С. Мережковского — один из тысячи подобных». Доклад Блока «О крушении гуманизма» был прочитан на открытии Вольно-философской ассоциации (первоначально — академии), которое состоялось 16 ноября 1919 г. в помещении издательства «Колос». Ср. запись в дневнике Чуковского от 17 ноября: «С Мережковским мы ходили в “Колос” — там читал Блок — свой доклад о музыкальности и цивилизации, который я уже слышал» [28, т. 11, с. 268]. Впервые с этим докладом Блок выступил 9 апреля 1919 г. в коллегии «Всемирной литературы».

² На бланке кооперативного книгоиздательства «Колос» с отпечатанным адресом.

³ Речь идет об официальной командировке в Гомель для чтения лекций в прифронтовой полосе, которая нужна была Мережковским для осуществления давнего плана побега (см. прим. 1 к п. 21). В приведенной выше дневниковой записи Чуковского дважды упоминается фамилия Глазанова, слушателя студии Дома искусства. Позднее Чуковский вспоминал: «...Глазанов, коммунист, широкоплечий и рослый, в кожаной куртке, в сапогах до колен. Он был влюблен в Уолта Уитмена, читал его в подлиннике, увлекался Блоком и Блейком. <...> К нашему общему горю, Глазанов осенью ушел на войну и был убит под Питером в боях с Юденичем» [28, т. 5, с. 378]. Неизвестно, об этом Глазанове идет речь или нет.

⁴ О Сазонове П.В., заведующем хозяйственным отделом Дома искусств, см. в дневнике Чуковского от 23 ноября 1919 г.: «Петр Владимирович Сазонов, чуть ли не бывший пристав, который теперь в глазах писателей, художников и пр. — единственный источник света, тепла, красоты. Он состоит заведывающим (sic!) хозяйством Главархива — туда доставили дрова, он взял и распорядился направить их нам — в Дом Искусства» [28, т. 11, с. 272].

⁵ См. информацию о создании Кооператива Петроградского Союза Профессиональных Литературных Организаций, выполняющего мероприятия по закупке и распределению продуктов среди членов Союза (Вестник литературы. 1919. №3. С. 8). См. также запись в дневнике Чуковского от 10 марта 1919 г.: «Очень мало в городе керосину. Почти нет меда. Должно быть, потому Кооператив журналистов выдает нам мед с примесью керосина» [28, т. 11, с. 241].

⁶ Скорей всего, речь идет о книгах, которые Мережковский предлагал для издания во «Всемирной литературе». Ср. список его книг (с указанием листажа), от-

ложившийся в архиве Чуковского вместе с письмами. В этом списке заголовки подчеркнуты дважды — черными чернилами и цветными карандашами: обозначенные арабскими цифрами — красным, римскими — синим.

Книги Д. С. Мережковского:

1) *Античные трагедии.*

Эсхил. — Прометей.
 Софокл. — Эдип-Царь.
 _____ . — Антигона.
 _____ . — Эдип в Колоне.
 Еврипид. — Ипполит.
 _____ . — Медея.
 Книга в 20 печатн<ых> листов.

2) *Вечные Спутники*

I. *Всемирная Литература*

(Парфенон. Лонгус. Плиний Мл. Кальдерон. Сервантес. Монтень. Флобер. Ибсен. Гете. Байрон)

Книга в 20 печ<атных> листов.

II. *Русская Литература*

(Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Некрасов, Белинский, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Тютчев, Чаадаев, Горький)

Книга в 25 печ<атных> листов.

3) *Трилогия*

I. *Смерть богов* (Юлиан Отступник).

Книга в 20 листов.

II. *Воскресение боги* (Леонардо да Винчи)

_____ 40 листов (можно два тома по 20 л.)

III. *Антихрист* (Петр и Алексей)

_____ 40 листов (можно два тома по 20 л.)

21. Мережковский — Чуковскому

*До 11 декабря 1919 г. Петроград*¹

Дорогой Корней Иванович,
 посылаю кооперативную бумагу, написанную самим Сологубом².
 Передайте ее милому П. В. Сазонову³. Сообщите мне его телефон.
 Я на Сазонова крайне надеюсь: он дров достанет.
 Во Вторник утром принесу Вам Эдг<ара> По⁴.
 Сердечно Ваш

Д. Мережковский.

¹ Предположительно датируется на основе записи Чуковского от 11 декабря 1919 г.: «Был Мережковский. Он в будущий четверг едет вон из Петербурга — по-

молодел, подтянулся, горит, шепчет, говорит вдохновенно: “Все, все устроено до ниточки, мы жидов подкупили, мы... А Дмитрий Влад. — бездарный, он нас погубит, у него походка белогвардейская... А тов. Каплун дал мне паек — прегнусный — хотя и сахар и хлеб — но хочет, чтобы я читал красноармейцам о Гоголе...”» [28, т. 11, с. 280]. Мережковские уехали через две недели.

² О какой кооперативной бумаге идет речь, неясно.

³ См. прим. 4 к п. 20.

⁴ Возможно, речь идет о подготовке издания Э. По в издательстве «Всемирная литература» (*По Э. Рассказы* / пер. М. А. Энгельгардт. Берлин: Госиздат; «Всемирная литература», 1923. Т. 1–3). Это издание представляет собой перепечатку дореволюционного Собрания сочинений Э. По в том же переводе (Т. 1–2. СПб.: Изд. Г.Ф. Пантелеева, 1896). См. письмо З. Гиппиус к А.Н. Тихонову от 25 / 0 февраля 1919 г.: «Теперь относительно Эдгара По. Его тоже, конечно, если издавать — то полностью. Между тем у нас решительно нет ни одного оригинала. Я имею французский перевод Бодлэра, но, как он ни хорош, я не решусь редактировать по все-таки переводу. Что касается материала, присланного вами, то стихи (перевод Брюсова), конечно, следовало бы взять (если б имелся оригинал), переводы же Энгельгардта возможны лишь частично, как и переводы Бальмонта, — но все это опять аннулируется отсутствием оригиналов, отчасти и отсутствием полных сведений о существующих переводах»; цит. по.: [9, с. 65].

22. Мережковский — Чуковскому

23 декабря 1919 г. Петроград ¹

Милый Корней Иванович,

мне было бы грустно уехать, не простившись с Вами. Сегодня я весь день дома, а завтра, боюсь, что будем уже невменяемы. Я хотел бы кое-что сообщить Вам, что м <ожет> б<ыть> и Вам будет интересно.

У меня к Вам большая просьба. Я вчера был у Каплуна², и он подтвердил обещание прислать лошадь. Но у них такая путаница, что могут забыть, а телефона у нас все еще нет, и мы не уедем, п<отому> ч<то> нет иного способа добраться до вокзала.

Пожалуйста, позвоните *завтра между 12–2 ч.ч.* не самому Каплуну, — этим его беспокоить не стоит, а *тов. Белицкому*³, *телеф. 2.16.52* и напомните ему, что лошадь надо прислать ровно к 5 часам на *Сергиевскую 83 кв. 17*⁴.

На тот случай, если бы мы не увиделись, благодарю Вас за все, что Вы для нас сделали: ведь, мы больше всего Вам обязаны нашим отъездом, и поверьте я этого никогда не забуду.

Д. Мережковский.

¹ Датируется по содержанию: 24 декабря Мережковские уезжают в Гомель для чтения лекций в прифронтовой полосе. В январе 1920 г. нелегально переходят советско-польскую границу.

² Каплун Б.Г. (1894–1938), возглавлял Управление Петроградского совета. См. письмо Чуковского Блоку от 18 декабря 1919 г.: «Знаете ли Вы Каплуна? Кажется, нет. Это очень молодой и приятный сановник — не суетится, не кричит, не кокетничает. Он стоит во главе Управления Петроградского Совета (Дворцовая площадь, 6) и, по непонятной причине, покровительствует Мережковскому, Сологубу и другим именитым писателям. Я познакомился с ним на прошлой неделе. Думаю, что это знакомство чревато пайками» [28, т. 14, с. 428–429]. В дневнике Чуковского о Каплуне несколько записей, в частности, от 9 февраля 1920 г.: «...мы с Гумилевым отправились к Каплуну в Управление Советов. Этот вельможа тотчас же предоставил нам бутылку вина (я, конечно, не прикоснулся) и дивное, дивное печенье. <...> Нашел у Каплуна книгу Мережковского — с очень льстивой и подобострастной надписью...» [28, т. 11, с. 288].

³ Белицкий Е.Я. (1895–1940), заведующий отделом управления Петросовета в 1917–1922 г., представитель издательства «Эпоха», с 1922 г. заместитель заведующего Петроградским отделением Госиздата, с 1926 г. в последующие годы работал на ответственных советских должностях за границей. Белицкого с Каплуном связывали семейные отношения: он был женат на Марии Гитмановне Каплун. Ср. запись от 19 апреля 1920 г. в дневнике Чуковского: «Был только что у Белицкого. Он официально сошелся с сестрой Каплуна и поселился на Мойке, 11» [28, т. 11, с. 297].

⁴ Последний адрес Мережковских в России.

23. Мережковский — Чуковскому

9 февраля 1920 г. Минск ¹

9 февраля 1920

Дорогой Корней Иванович,
подательница сего Missis Harrisson² очень милая. Окажите ей содействие.

У нас пока все хорошо. Много думаю о том и о тех, кто далеко. Передайте привет всем. Harrisson Вам расскажет.

Пришлите через нее «Зеленое кольцо» и «Последние стихи»³.

Когда-то увидимся? Не забывайте.

Ваш Д. М.

<Притиска на полях:> О Дневнике подумайте. [Отдайте? подательнице]⁴.

¹ Место определяется по маршруту Мережковских, переправляющихся за границу.

² Речь идет о Маргарет Гаррисон, американской журналистке, тайном агенте Военной разведки США. Она выехала из Варшавы в Россию через Минск в январе 1920 г. В минской гостинице в начале февраля Гаррисон познакомилась с Мережковскими, об этой встрече позднее написала в своих мемуарах (см.: *Harrison M. There's Always Tomorrow. The Story of a Checkered Life*. N. Y., 1935. P. 250). 24 февраля 1920 г. она прибыла в Москву, в апреле была арестована и завербована ЧК, 20 октября того же года вновь арестована, 28 июля 1921 г. выпущена на свободу и через день покинула Россию, см.: [10]. Когда и каким образом записка попала к Чуковскому, неизвестно.

³ Имеются в виду книги: Гиппиус З. Зеленое кольцо. Пьеса в 4 действиях с послесловием «Зеленое-Белое-Алое». Пг.: Изд-во «Огни», 1916; Гиппиус З. Последние стихи. 1914–1918. Пг.: Наука и школа, 1918.

⁴Текст густо заштрихован, в первом слове просматриваются начальная и последние буквы, отсюда — предположительное прочтение, но второе — видно довольно отчетливо. Мы предполагаем, что речь идет о «Синей книге» Гиппиус, рукопись которой «чудом вернулась к ней в руки из Советской России в 1927 г. Она оставила ее в Петрограде, когда уезжала, и считала ее навсегда потерянной». Тетради были доставлены из Ленинграда другом В.А. Злобина (см. Предисловие Н. Берберовой к кн.: [5, с. II–III]).

Литература

1. *Бакст Л.* Моя душа открыта. Кн. 2: Письма. М.: Искусство — XXI век, 2012. 766 с.
2. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 286 с.
3. *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. 157 с.
4. *Гиппиус З.Н.* Дневники. М.: Захаров, 2017. 528 с.
5. *Гиппиус З.* Петербургские дневники (1914–1919). Нью-Йорк: Орфей, 1982. 285 с.
6. *Крылов В.* Рецепция критики и публицистики Д.С. Мережковского в пародиях начала XX века // *Toronto Slavic Quarterl.* 2016. № 57. С. 352–371.
7. *Кузмин М.А.* Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
8. *Лавров А.В.* «Не продается вдохновенье...»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве // *Литературный факт.* 2019. № 3 (13). С. 109–123.
9. *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 696 с.
10. *Латина Г.* Приключения американской шпионки в советской России // *Звезда.* 2019. № 1. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3440> (дата обращения: 17.12.2020).
11. *Лившиц Б.* Полутороголазый стрелец. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1978. 204 с.
12. *Павлова М.М.* К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. По материалам переписки В.А. Злобина с Б.И. Николаевским и М.С. Цетлиной // *Русская литература.* 2009. № 2. С. 207–223.
13. *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция: Сб. / Первое рус. изд. под ред. М.А. Колерова. М., 1999. С. 32–42.
14. *Пахмусс Т.* Сергеев-Ценский в критике З. Гиппиус // *Грани.* 1967. № 63. С. 140–151.
15. Переписка Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и О.А. Флоренской / публ. подгот. А.И. Олексенко, В.П. Флоренский, П.В. Флоренский и Т.А. Шутова // *Наше наследие.* 2006. № 79–80 URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7918.php> (дата обращения: 17.12.2020).
16. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым 1906–1909 / публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // *Литературоведческий журнал.* 2001. № 15. С. 124–260.

17. Переписка З.Н. Гиппиус с Д.В. Filosoфoвым (1898–1918) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 586–857.
18. Переписка К.И. Чуковского и В.Я. Брюсова / вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 275–405.
19. Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 17–107.
20. *Примочкина Н.Н.* Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 364 с.
21. *Розанов В.В.* Обидчик и обиженные // *Розанов В.В.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Росток, 2016. Т. 4. О писательстве и писателях: Статьи 1908–1911 гг. С. 396–398.
22. *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С. 319–371.
23. Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) / публ. В.П. Муромского // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910–1930-х гг.: Исслед. и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 125–196.
24. *Федотова С.В.* «Одержимые литературой»: В. Брюсов и К. Чуковский // Брюсовские чтения 2018 года: Сб. статей. Ереван: Лингва, 2018. С. 340–352.
25. *Федотова С.В.* Реконструкция подтекста эпиграммы Вячеслава Иванова «Чуковский, Аристарх прилежный...» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3 / сост. и отв. ред. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. С. 404–430.
26. *Федотова С.В.* Стихия пародии в литературной критике К.И. Чуковского (казус Л. Андреева) // Вестник Томского университета. Филология. 2019. № 58. С. 244–262.
27. *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.
28. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, 2012–2013.
29. Чукоккала. М.: Русский путь, 2008. 582 с.
30. *Шварц Е.* Белый волк // Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Никея, 2012. С. 224–240.
31. *Эткинд Е.* Корней Чуковский // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М.: Прогресс; Литера, 1995. С. 258–264.

**“A curious fellow”:
Letters of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky
to K.I. Chukovsky (1907–1920)**

© 2021. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Scientific Foundation (RSF), no № 20–18–00003.

Abstract: The corpus of letters of D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius to K.I. Chukovsky is published for the first time, which allow us to reconstruct the little-known story of the relationship between the writers-Godseekers and the critic-feuilletonist. Even in the absence of reciprocal letters, the epistolary is of great historical and literary interest, especially its first part, which documents the initial stage of Merezhkovsky’s personal communication during his first Parisian emigration with the young Chukovsky, as well as the circumstances and conditions for the emergence of their friendly interaction. The second part confirms the factual accuracy of Chukovsky’s revolutionary diaries and is of great importance for the reconstruction of the biography of Merezhkovsky pre-emigration period.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, K.I. Chukovsky, V. Bryusov, D.V. Filosofov, “Vesy”, “Rech”, literary criticism, feuilleton, diaries, epistolary.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

For citation: Fedotova, S.V. “A curious fellow’: Letters of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K.I. Chukovsky (1907–1920).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 31–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81>

References

1. Bakst, L. *Moia dusha otкрыta. Kn. 2: Pis'ma* [My Soul is Open. Book 2: Letters]. Moscow, Iskusstvo — XXI vek Publ., 2012. 766 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh. Dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907. Documentary Chronicles]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi — Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
3. Gekhtman, M.V. *Bibliografiya prizhiznennykh izdaniy i publikatsii Z.N. Gippius [Z.N. Gippius. Lifetime Editions and Publications. Bibliography]*. Moscow, Intelvak Publ., 2007. 157 p. (In Russ.)
4. Gippius, Z.N. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, Zakharov Publ., 2017. 528 p. (In Russ.)

5. Gippius, Z. *Peterburgskie dnevniki (1914–1919)* [*Petersburg Diaries (1914–1919)*]. New York, Orfei Publ., 1982. 285 p. (In Russ.)
6. Krylov, V. “Retseptsiia kritiki i publitsistiki D.S. Merezhkovskogo v parodiakh nachala XX veka” [“Reception of D.S. Merezhkovsky’s Criticism and Journalism in Parodies of the Early 20th Century”]. *Toronto Slavic Quarterl*, no. 57, 2016, pp. 352–371. (In Russ.)
7. Kuzmin, M.A. *Dnevnik 1905–1907* [*Diary 1905–1907*], ed. by N.A. Bogomolov and S.V. Shumihin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
8. Lavrov, A.V. “‘Ne prodaetsia vdokhnoven'e...’: Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.B. Struve” [“‘Inspiration is Not for Sale...’: D.S. Merezhkovsky’s Letters to P.B. Struve”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 109–123. (In Russ.)
9. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty: etiudivy i razyskaniia* [*Russian Symbolists: Studies and Discoveries*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 696 p. (In Russ.)
10. Lapina, G. “Priklucheniia amerikanskoi shpionki v sovetskoi Rossii” [“Adventures of an American Spy in Soviet Russia”]. *Zvezda*, no. 1, 2019. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3440> (Accessed 17 December 2020). (In Russ.)
11. Livshits, B. *Polutoroglazyi strelets* [*One and a Half Eyed Sagittarius*]. New York, Izdatel'stvo Chekhova Publ., 1978. 204 p. (In Russ.)
12. Pavlova, M.M. “K istorii parizhskogo arkhiva Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo. Po materialam perepiski V.A. Zlobina s B.I. Nikolaevskim i M.S. Tsetlinoi” [“On the History of the Paris Archive of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky. Based on V.A. Zlobin’s Correspondence with B.I. Nikolaevsky and M.S. Tsetlina”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2009, pp. 207–223. (In Russ.)
13. Pavlova, M. “Mucheniki velikogo religioznogo protsessa” [“Martyrs of a Great Religious Process”]. Merezhkovskii, D., Gippius, Z., Filosofov, D. *Tsar' i revoliutsiia: Sbornik* [*Tsar and Revolution: A Collection*], ed. by M.A. Kolerov. Moscow, 1999, pp. 32–42. (In Russ.)
14. Pakhmuss, T. “Sergeev-Tsenskiy v kritike Z. Gippius” [“Sergeev-Tsensky in Z. Gippius’s Criticism”]. *Grani*, no. 63, 1967, pp. 140–151. (In Russ.)
15. “Perepiska D.S. Merezhkovskogo, Z.N. Gippius, D.V. Filosofova i O.A. Florenskoi” [“Correspondence Between D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, D.V. Filosofov and O.A. Florenskaya”], prep. by A.I. Oleksenko, V.P. Florensky, P.V. Florensky and T.A. Shutova. *Nashe nasledie*, no. 79–80, 2006. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7918.php> (Accessed 17 December 2020). (In Russ.)
16. “Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym 1906–1909” [“Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ia. Bryusov, 1906–1909”], publ. by M.V. Tolmachev, comm. by T.V. Vorontsova. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 15, 2001, pp. 124–260. (In Russ.)
17. “Perepiska Z.N. Gippius s D.V. Filosofovym (1898–1918)” [“Correspondence Between Z.N. Gippius and D.V. Filosofov (1898–1918)”], introd., text prep. and comm. by A.L. Sobolev. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 586–857. (In Russ.)
18. “Perepiska K.I. Chukovskogo i V.Ia. Briusova” [“Correspondence Between K.I. Chukovsky and V.Ia. Bryusov”], introd., publ. and comm. by A.V. Lavrov. *Kontekst* [*Context*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 275–405. (In Russ.)
19. “Pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k A.S. Suvorinu (1891–1911)” [“Letters of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to A.S. Suvorin (1891–1911)”], text prep., introd. and comm. by N.A. Bogomolov. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 17–107. (In Russ.)

20. Primochkina, N.N. *Gor'kii i pisateli russkogo zarubezh'ia* [*Gorky and Writers of the Russian Diaspora*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 364 p. (In Russ.)
21. Rozanov, V.V. "Obidchik i obizhennyye" ["The Offender and the Offended"]. Rozanov, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 t.* [*Complete Works: in 35 vols.*], vol. 4. O pisatel'stve i pisateliakh: Stat'i 1908–1911 gg. [On Writing and Writers: Articles 1908–1911]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 396–398. (In Russ.)
22. Sobolev, A.L. "Merezhkovskie v Parizhe" ["The Merezhkovskys in Paris"]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], issue 1. Moscow, St. Petersburg, 1992, pp. 319–371. (In Russ.)
23. "Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)" ["Union of Fiction Makers (1918–1919)"], publ. by V.P. Muromsky. *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda — Leningrada 1910–1930-kh gg.* [From the History of Petrograd–Leningrad Literary Unions, 1910–1930s], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 125–196. (In Russ.)
24. Fedotova, S.V. "'Oderzhimye literaturoi': V. Briusov i K. Chukovskii" ["Obsessed with Literature': V. Briusov and K. Chukovsky"]. *Briusovskie chteniia 2018 goda: Sbornik statei* [*Briusov Proceedings 2018: A Collection of Essays*]. Erevan, Lingva Publ., 2018, pp. 340–352. (In Russ.)
25. Fedotova, S.V. "Rekonstruktsiia podteksta epigrammy Viacheslava Ivanova 'Chukovskii, Aristarkh prilazhnyi...'" ["Viacheslav Ivanov's Epigram 'Chukovsky, Industrious Aristarch...': Reconstruction of the Subtext"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Viacheslav Ivanov. Studies and Materials*], issue 3, comp. and ex. ed. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 404–430. (In Russ.)
26. Fedotova, S.V. "Stikhiia parodii v literaturnoi kritike K.I. Chukovskogo (kazus L. Andreeva)" ["The Parody Element in K.I. Chukovsky's Literary Criticism (The Case of L. Andreev)"]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya*, no. 58, 2019, pp. 244–262. (In Russ.)
27. Kholikov, A.A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii Dmitriia Merezhkovskogo: Tekstologiya, istoriia literatury, poetika* [*Dmitry Merezhkovskii's Lifetime Complete Works: Text Criticism, Literary History, Poetics*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)
28. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013.
29. *Chukokkala* [*Chukokkala*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2008. 582 p. (In Russ.)
30. Shvarts, E. "Belyi volk" ["White Wolf"]. *Vospominaniia o Kornee Chukovskom* [*Memoirs of Kornei Chukovsky*]. Moscow, Nikeia Publ., 2012, pp. 224–240. (In Russ.)
31. Etkind, E. "Kornei Chukovskii" ["Kornei Chukovsky"]. *Istoriia russkoi literatury: XX vek: Serebrianyi vek* [*History of Russian Literature. 20th Century. Silver Age*]. Moscow, Progress Publ., Litera Publ., 1995, pp. 258–264. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2021
 Одобрена после рецензирования: 21.02.2021
 Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 01.02.2021
 Approved after reviewing: 21.02.2021
 Date of publication: 25.06.2021